

ХАРАКТЕРЪ И ЗАДАЧА УКРАИНСКОЙ КРИТИКИ.

Несовершенство труда извинительно; но нѣтъ оправданій для лѣности и равнодушія къ благороднымъ, важнымъ интересамъ и вопросамъ, — равнодушія, прониходящаго или отъ невѣжества, или отъ корыстнаго разсчета, или отъ того и другаго вмѣстѣ.

Бѣлинскій.

Въ наше время постановкою повѣстей въ журналы занято очень много грамотнаго народа, но на повѣсть, равно какъ и на другія произведенія беллетристики, большинство читателей смотритъ какъ-то слегка. Автору охотно прощаютъ у насъ не только поверхностное знаніе того міра явленій, изъ котораго взята повѣсть, но иногда — и недостатокъ здраваго смысла. Тѣ же самые читатели строго осудятъ подобные недостатки въ историкѣ, естествоиспытателѣ, философѣ. Мнѣ кажется, что это съ ихъ стороны несправедливо и легкомысленно. Вѣдь и повѣствователь, и историкъ, и естествоиспытатель, и философъ взяли себѣ изобразить, каждый по-своему, жизнь въ ея истинѣ, а не обманчивый видъ жизни. Какое же право имѣютъ читатели строго порицать ихъ, въ случаѣ недостатка у нихъ фактической точности или вѣрныхъ соображеній, и въ то же время снисходить къ тѣмъ же самымъ недостаткамъ живописцевъ семейной и общественной жизни въ повѣсти, романѣ, поэмѣ и прочая? Вѣдь, осуждая ученаго, не изза чего другого мы хлопочемъ, какъ изза того, чтобы предохранить общество отъ обмана. Почему же мы равнодушны къ обману, въ который вводятъ общество плохіе писатели, на счетъ изображаемыхъ ими явленій жизни? Слѣдствія фальшивыхъ понятій по предметамъ исторіи, естествознанія, философіи никакъ не вредите для успѣховъ общественнаго развитія, какъ и слѣдствія извращеннаго взгляда на окружающую насъ повседневность, на отношенія людей между собою, на общій характеръ народа, и прочая, и прочая. И если тамъ, въ порицаніяхъ нашихъ, мы управляемся сознаніемъ долга честныхъ людей, гражданъ своего отечества, членовъ своего общества, то и здѣсь тѣ же самыя по-

бужденія должны внушить намъ строго-разборчивую критику. Вникнемъ, какая цѣль у каждаго общественнаго дѣателя, къ какому бы разряду работающихъ умовъ ни принадлежалъ онъ. Сдѣлать что-то еще не сдѣланное, то есть такое, въ чемъ чувствуется потребность со стороны общества. Вотъ прямая и законная цѣль каждаго работающаго ума. Какъ же поступаетъ общество съ тѣми, кто возьмется сдѣлать еще не сдѣланное, да и кончить ничѣмъ? Оно ихъ осмѣиваетъ. А съ тѣми, кто не только ничего не прибавитъ къ общественному достоянію, да еще напутаетъ, перепортитъ матеріалы и затруднитъ работу истиннымъ общественнымъ дѣателямъ? Оно ихъ строго обвиняетъ. Скажите же: не достойны ли осмѣянья и упрековъ тѣ писатели, которые своими затѣями говорятъ: »Господа, вамъ не все еще извѣстно, положимъ, объ украинской жизни; мы вамъ покажемъ, посредствомъ повѣсти, украинскую жизнь съ новой стороны«, — и не только этого не исполняютъ, напротивъ, затемняютъ и то, что въ ней было ясно, какъ день? Тутъ обвинять надобно не ту критику, которая вооружена всею строгостью истины, а ту, которая смотритъ сквозь пальцы на подобныя продѣлки, выдаетъ людей безполезныхъ за приносящихъ пользу и самихъ ихъ держать въ убивающемъ духъ самообольщеніи.

Но, можетъ быть, скажутъ мнѣ, что для критики не по силамъ трудъ — гоняться за всякою фальшью въ искусствѣ и разоблачать недобросовѣтность литературной работы относительно прилежнаго изученія изображаемой жизни разоблачать поддѣльность вдохновенія и фальшивую художественность образовъ. На это я отвѣчу, что и въ области научной умственной дѣятельности многое множество нелѣпостей оставляетъ критика безъ вниманія, и только на тѣхъ обрушивается всею грозю своего суда, кто выдвинулся впередъ и обратилъ на себя вниманіе значительной массы людей, жаждущихъ знанія. Такъ она должна поступать и въ области художественныхъ изображеній жизни. Пусть себѣ несутъ вздоръ люди, которыхъ никто или почти никто не слушаетъ. Можетъ быть, они и сами, поумнѣвъ съ теченіемъ времени, познаютъ тщету празднаго суетловія и, позабывъ свои высокія претензіи, смиренно и добросовѣстно примутся за обыкновенный, но необходимый трудъ, который не подвинется безъ дружныхъ усилій множества имъ подобныхъ. Такихъ достаточно вразумляетъ уже одно равнодушіе къ нимъ читающаго общества. Но эти господа, которые пренебрегаютъ трудомъ каменьщика, чтобы быть архитекторами эфемерныхъ зданій, — которые увѣрили толпу, что они что-то дѣлаютъ, тогда какъ они не прибавляютъ къ

массѣ сдѣланнаго другими ровно ничего, — этихъ критика должна преслѣдовать со всей неумолимостію истины.

Но здѣсь предстоить вопросъ: слѣдуетъ ли критикѣ употреблять всю свою разборчивость въ литературѣ юной, только что начинающей, или же она должна ограничиваться указаніемъ на хорошее, предоставляя публикѣ самой замѣчать и порицать дурное?

Мнѣ кажется, что намъ надобно обратить вниманіе на особенность положенія нашей украинской литературы, вмѣсто того, чтобы прилагать къ ней правило потворства со стороны критики. Литература наша началась недавно — правда, но у нея передъ глазами литература столѣтняя, тѣсно съ нею связанная, и не далеко еще то время, когда въ этой столѣтней литературѣ, за пару удачныхъ стиховъ, производили въ поэты людей, глубоко прозаическихъ. Что же изъ того вышло? Прибавилось только русской критикѣ хлопотъ — развѣнчивать несправедливо увѣнчанныхъ, но русское слово, русская мысль ничего не выиграли; напротивъ, они запутались въ такія сѣти, которыя и въ наше время прорываютъ немногіе. Независимо отъ этого примѣра, рожденіе нашей литературы (разумѣется, не въ лицѣ Котляревскаго и его послѣдователей) совпадаетъ съ временемъ, когда общество отъ каждаго творенія ума человеческого начало настоятельно требовать несомнѣнно полезнаго приложенія его къ общему дѣлу жизни и когда многіе задумались надъ вопросомъ: какую именно пользу должны принести обществу высоко развитое слово и высоко обогороженная мысль? Мы знаемъ, кто поощрялъ, кто покровительствовалъ и кто сдѣлалъ своимъ орудіемъ великорусскую литературу во времена ея неразумной юности. Литература украинская родилась посреди иныхъ нянекъ; ее хранили, во времена сомнительности ея бытія, иные люди; она послужила и должна служить инымъ цѣлямъ. Она — созданіе не небольшого кружка, устроившаго себѣ изысканную жизнь посреди толпы, для которой осталось только подчиниться его вкусу, его понятіямъ и самой его жизни: она — голосъ подобной толпы, но которая не признаетъ своими образцами просвѣщенныхъ людей, вращающихся въ ея жизненныхъ потребностей, а напротивъ, увлекаетъ въ свою здоровую среду самыхъ развитыхъ дѣтелей просвѣщенія, со всею ихъ ученостію, со всѣмъ блескомъ ихъ артистической образованности. Всѣ эти люди, при всѣхъ личныхъ преимуществахъ передъ единицами своего простонародья, чувствуютъ и сознаютъ умомъ, что сила народнаго духа не въ ихъ ученыхъ и эстетическихъ кружкахъ, а именно въ этой массѣ, изъ которой каждая отдѣльно взятая личность почти безразлично

незначительна, но въ общности со множествомъ другихъ, себѣ подобныхъ, хранить законы литературнаго вкуса и народнаго смысла для самыхъ развитыхъ и самостоятельныхъ представителей нашей народности. Такъ какъ наши украинскіе поэты никогда не выходили изъ большого круга въ маленькій, никогда не творили для немногихъ и всегда, во время творчества, воображали вокругъ себя такъ сказать вѣче народное (отъ чего происходятъ и временная ограниченность сферныхъ творчества, исамобытная сила его); то произведенія ихъ должно почитать не игрушками удаленнаго отъ житейскихъ тревоженій кружка, а созданіями духа народнаго. Народъ же ничего не созидаетъ безъ практическаго, жизненнаго смысла. Народъ, въ произведеніяхъ поэзіи, сознательно и инстинктивно ищетъ удовлетворенія своихъ насущныхъ маральныхъ потребностей. Народъ можетъ построить, съ большими издержками, храмъ, дорогу, мостъ и общественное гульбище, но никогда не затѣетъ курьезной бесѣдки, стоящей милліона. Такъ и въ жизни чисто духовной никогда его великая и строгая мысль не займется игрушкою, ни къ чему не нужною массѣ и удовлетворяюще причудливому вкусу только немногихъ, а тѣмъ болѣе—игрушкою, передразнивающею дѣло серьезное, или подражающе неприимчивой у него чужеземщинѣ. Такимъ образомъ каждое созданіе литературы нашей, какъ литературы, по преимуществу и почти исключительно народной, должно служить прежде всего на пользу нашего моральнаго существованія, отъ котораго находится въ совершенной зависимости существованіе матеріальное. Въ противномъ случаѣ, это будетъ сочиненіе самозванно-украинское и, какъ таковое, неизбежно подвергнется молчаливому осужденію громады, которая останется къ нему равнодушна, и громкому осужденію критики, стоящей на сторожѣ чистаго вкуса народнаго и здороваго народнаго смысла. Послѣ этого вопросъ: »слѣдуетъ ли критикѣ употреблять всю свою разборчивость въ литературѣ юной?« разрѣшается самъ собою. Если на беллетристику смотрѣть, какъ на услажденіе праздныхъ досуговъ чловѣка, гоняющагося только за пріятными ощущеніями; то конечно взыскательная критика многихъ смутитъ и остановитъ въ ихъ ревностномъ служеніи чужой забавѣ. Но когда писатель выступаетъ передъ свѣжее, развивающееся общество людей настойчиво добывающихся отъ писателя духовной пищи, удовлетворяющей народному вкусу, тутъ критику не кстати дремать въ покойныхъ креслахъ и съ просонковъ покрикивать: *браво, браво!* Онъ обязанъ воображать себя трибуномъ народнымъ: онъ долженъ постоянно содержать въ душѣ своей моральныя нужды своего народа и руководствоваться его поняті-

ями о самомъ себѣ, выработавшимися его жизнію и выражающимися въ его быту, въ его обычаяхъ, въ его изуемой словесности. Какой же снисходительности можетъ ожидать отъ подобной критики псевдо-поэтъ, извращающій въ своихъ произведеніяхъ быть народный и противорѣчащій обычаямъ народнымъ, расторгающій связь, которая существуетъ и должна существовать между печатнымъ нашимъ словомъ и словомъ народнымъ изуемымъ? Снисходительность въ этомъ случаѣ будетъ лукавствомъ передъ своей грамѣдою, у которой критикъ служить докладчикомъ. Какъ фальшивый историкъ, такъ и фальшивый жрецъ беллетристики должны быть изобличены во имя общей пользы, во имя успѣховъ самопознанія, во имя стремленія къ лучшей будущности народа. Иначе— все будутъ у насъ игрушки да игрушки, и никогда не выйдетъ наше общество изъ того легкомысленнаго дѣтскаго возраста, въ какомъ оно было во времена Котляревскаго. Задачею нашей украинской литературы должно быть строгое соответствіе ея созданій духу народному и его серьезному, жизненному, а не какому-то псевдо-народному, прихотливому, взгляду на вещи. Задачею нашей украинской критики должна быть строгая повѣрка литературныхъ созданій эстетическимъ чувствомъ и воспитаннымъ въ изученіи своей народности умомъ. Лишь только мы уклонимся отъ этой задачи, лишь только пренебрежемъ въ своей критикѣ общія основанія эстетики, приложенной къ новѣйшему народоизученію, — мы сдѣлаемся обманщиками собственнаго народа и самозванными его дѣятелями; литература наша возсядетъ опять на подражательномъ парнасѣ, какъ во времена псевдо-украинскихъ виршъ кievскихъ академистовъ (только ужъ въ новой, парижской или петербургской одеждѣ), и народъ нашъ по-прежнему начнетъ искать отъ насъ убожища въ своей безграмотности, которая спасла его отъ духовныхъ академій и семинарій.

Прибавлю еще нѣсколько словъ къ общимъ моимъ замѣчаніямъ. Такъ какъ я упомянулъ о серьезныхъ требованіяхъ нашего народнаго духа, то читатель, невникнувшій хорошенько въ мои слова, можетъ сказать мнѣ, что я этимъ самымъ исключая изъ украинской литературы легкую идиллію, элегію, шутку, и что я представляю себѣ народъ нашъ суровымъ мудрецомъ, который ищетъ въ жизни одной положительно опредѣленной пользы. Отвѣчаю заблаговременно, что *серьезное* въ созданіяхъ фантазіи не одно только то, что разумѣется подъ этимъ словомъ въ философскомъ трактатѣ, или въ обычномъ ходѣ житейскихъ дѣлъ. Лишь только мы признали за своимъ народомъ имя поэта, то должны предполагать въ немъ полное разнообразіе способности принимать впечатлѣнія отъ виш-

няго міра и претворять ихъ въ собственную моральную сущность. Тотъ же народъ, который задумается глубоко надъ стихами:

Обідрана, спрото́ю

По-надъ Дніпрóмъ пла́че, —

тотъ же самый народъ увлечется и противоположными, по душевному строю, стихами, какъ увлекается дѣтскими играми, или надеждами на счастье, соединяющимися въ нашей душѣ съ любовью. Было бы странно воображать его сознающимъ, въ подобномъ увлеченіи, такую мысль: »это мнѣ полезно, это ведетъ меня къ тому-то и охраняетъ отъ того-то.« Не его дѣло, какъ развивающейся инстинктивно массы, работать въ мірѣ отвлеченныхъ идей: это дѣло его литературныхъ органовъ. Они-то, не переставая идти въ рядахъ своего народа, должны объяснять наиболѣе развитой его части внутренній процессъ эстетическихъ впечатлѣній и влиянье ихъ на здоровье и возрастаніе духа народнаго, — для того, чтобы предохранить всѣхъ и каждого отъ нарушенія своей народности въ литературѣ. Строгое соблюденіе ея во всѣхъ безъ различія беллетристическихъ произведеніяхъ полезно потому, что народъ, котораго достояніемъ должны дѣлаться эти произведенія, сознаётъ, посредствомъ нихъ, свое украинское я, и слѣдовательно крѣпнеть въ своей народности, и слѣдовательно дѣлается въ своей массѣ солидарнѣе, и слѣдовательно могущественнѣе противустоитъ всякому разлагающему влиянію другой народности. Вотъ оно, благотворное, жизненное дѣйствіе легкихъ произведеній лирики и комизма, въ которыхъ можетъ не быть и намека на моральную идею, и въ этомъ отношеніи Шевченко, въ своей элегій: *На що мині чорні брови*, такой же великій дѣятель, какъ и въ своей поэмѣ: *Катерина*. И тамъ, и здѣсь онъ заставляеть сердце Украинца сознавать себя украинскимъ, а не какимъ либо сердцемъ, а между тѣмъ заслуги его, какъ автора, различны въ обѣихъ пьесахъ.

Вотъ нѣсколько мыслей, возникшихъ у меня въ умѣ по прочтеніи кой-чего писаннаго по-украински и кой-чего, выдаваемого за украинскую критику. Считаю не бесполезнымъ заявить ихъ въ общихъ выраженіяхъ, для тѣхъ изъ нашихъ земляковъ, которые изображаютъ жизнь украинскую художественнымъ способомъ, и для тѣхъ, которые берутся созерцать ее въ литературѣ способомъ философскимъ. Отъ души буду радъ, если мои напоминанія предохранятъ на будущее время нашихъ литературныхъ дѣятелей отъ погрѣшностей, которыя уже ими сдѣланы, но которыя бросаются въ глаза не каждому.

4 февраля 1861. С. Петербургъ.

П. Кулишъ.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ КОТЛЯРЕВСКІЙ.

I.

Въ прочтенной уже и оцѣненной по достоинству статьѣ П. А. Кулиша о Котляревскомъ (1-я книжка »Основы«), читатели не могли не замѣтить отсутствія жизнеописательныхъ подробностей. Хотя цѣлью автора было представить обзоръ литературной дѣятельности писателя, касаясь его жизни на-столько, на-сколько это необходимо для уразумѣнія содержанія и направленія поэтическихъ его произведсній; но жизнь Котляревскаго такъ полна и знаменательна, что зная ее поверхностно, нельзя вѣрно объяснить многія проявленія его общественной дѣятельности, и легко впасть въ заблужденіе при оцѣнкѣ его личности, какъ человека и гражданина. Благодаря свѣдѣніямъ, собраннымъ и намъ сообщеннымъ А. В. Терещенкомъ, мы имѣемъ возможность — дополнить статью П. А. Кулиша многими данными изъ жизни Котляревскаго, яснѣе обрисовывающими эту истинно-почтенную личность прошлаго времени.

Предки Ивана Петровича Котляревскаго были природные малороссы. Отецъ его служилъ въ Полтавскомъ городскомъ магистратѣ канцеляристомъ; дѣдъ его былъ діакономъ успенской соборной церкви въ Полтавѣ (1). Въ бумагахъ Ивана Петровича сохранилось свидѣтельство уѣзднаго предводителя дворянства, 1793 года, о томъ, что онъ состоитъ въ числѣ дворянъ Полтавскаго уѣзда.

На высокой горѣ, за успенскимъ соборомъ, вблизи бывшихъ крѣпостныхъ окоповъ, стоитъ дубовый деревянный домикъ, уже (въ 1858 г.) полуразвалившійся. На сволокѣ этого домика вырѣзаны церковными буквами слова: »Создася домъ сей во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа,

(1) Сбв. Пчел., 1839 г. № 146.

1705 року 30 августа». Съ этой горы открываются живописные виды: на-право — сады, разбросанные по извилистой крутизнѣ, на-лѣво — луга и рощи, между которыми тихо течетъ рѣчка Ворскла, воспѣтая самимъ Котляревскимъ и народомъ:

Течѣ рѣчка невеличка —
Ворскломъ називають;
Про ту рѣчку невеличку
Старці и діти знають.

Берега Ворсклы усажены бѣлыми хатами; за рѣчкою зеленѣють дубовые лѣса; вдали разсыпаны пески, а на горизонтѣ синѣетъ густой боръ. Въ этомъ домикѣ жилъ отецъ Котляревскаго, и родился, 29 августа 1769 года, извѣстный украинскій поэтъ.

Родители Котляревскаго были весьма недостаточнаго состоянія. Нерѣдко приходилось ему довольствоваться однимъ кускомъ хлѣба и ходить босикомъ; но живой и веселый нравъ помогали ему переносить домашнюю нужду. Съ дѣтскихъ лѣтъ проявилась въ немъ охота къ чтенію и усидчивость въ занятіяхъ. Его отдали ⁽¹⁾ учиться въ Полтавскую семинарію, гдѣ онъ окончилъ ученіе съ успѣхомъ. Еще на семинарской скамьѣ, онъ писалъ стихи и, за искусство подбирать рифмы, прозванъ былъ *рифмачемъ*. По выходѣ Котляревскаго изъ семинаріи, ему предлагали вступить въ духовное званіе ⁽²⁾, но онъ избралъ поприще свѣтское. Сначала Котляревскій находился, въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ домахъ, при дѣтяхъ учителемъ, и какъ страстный любитель родного языка, народныхъ обычаевъ и преданій, собиралъ этнографическія свѣдѣнія и писалъ Украинскія стихи. Нерѣдко онъ приходилъ переодѣтымъ на народныя гулянья, игры и вечерниці, и здѣсь-то изучалъ народную жизнь, которую потомъ такъ искусно представилъ, съ комической стороны, въ *Энеидѣ*.

Хорошія познанія въ польскомъ, латинскомъ и французскомъ языкахъ, умѣнье владѣть перомъ и свѣтлый умъ, казалось, могли бы скоро доставить ему успѣхъ въ службѣ, но, безъ покровителей, онъ попалъ лишь въ штатъ бывшей Новороссійской канцеляріи, въ іюль 1779 г. ⁽³⁾.

⁽¹⁾ Когда именно — неизвѣстно.

⁽²⁾ Въ Малороссіи весьма часто поступали въ духовное званіе и дворяне, нерѣдко владѣвшіе и большими имѣніями. И теперь есть лица изъ бѣлаго духовенства, которыя владѣютъ населенными имѣніями, на помѣщичьемъ правѣ.

⁽³⁾ Въ надгробной надписи сказано, что онъ родился въ 1769 г. августа 29; значитъ вступилъ на службу 10 лѣтъ! Или онъ только былъ въ нее записанъ, по обычаю того времени, или же ошибочно показанъ въ послужномъ спискѣ годъ вступленія его на службу? А. В. Т.

Здѣсь, черезъ годъ, его произвели въ подканцеляристы (1780 г.), потомъ въ канцеляристы (1782 г.), и наконецъ въ губернскіе регистраторы (1783 г.). Въ 1796 году, онъ оставилъ гражданскую службу и поступилъ кадетомъ въ сѣверскій карабинерный полкъ (бывшій впоследствии конно-егерскимъ); въ томъ же году произведенъ въ аудиторы; 1798 г. переименованъ въ прапорщики, въ февралѣ — въ поручики и въ 1806 г. — въ штабсъ-капитаны.

Изъ бумагъ Котляревскаго видно, что онъ былъ адъютантомъ генераль-отъ-кавалеріи барона Мейендорфа, который командовалъ 2-мъ корпусомъ, дѣйствовавшимъ противу Турокъ. Въ 1806 г., онъ былъ избранъ, какъ отличный и рѣшительный офицеръ, для склоненія Буджацкихъ Татаръ къ содѣйствию видамъ правительства. Во время переговоровъ, жизнь его подвергалась опасности, то отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, то отъ покушенія нѣкоторыхъ татаръ зарѣзать его. Онъ успѣлъ однако успокоить взволновавшуюся орду, уговорилъ ее быть преданною Россіи и привелъ въ свой станъ аманатовъ. За это дѣло онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3 ст., при присланномъ ему рескриптѣ Императора Александра I-го ⁽¹⁾.

По вступленіи войскъ въ предѣлы Бессарабіи и Молдавіи (24 ноября 1806 г.), Котляревскій находился при взятіи крѣпости Бендеръ. Въ 1807 г. онъ былъ переведенъ въ Псковскій драгунскій полкъ и отличился въ сраженіяхъ съ Турками, особенно при крѣпости Измаилѣ; но походы разстроили его здоровье и онъ вышелъ въ 1808 г., въ отставку съ чиномъ капитана и съ мундиромъ. Причиною выхода его изъ военной службы могло быть также назначеніе барона Мейендорфа въ Финляндію, хотя Мейендорфъ преимущественно рекомендовалъ его Михельсону (заступившему мѣсто Мейендорфа и дѣйствовавшему съ большимъ успѣхомъ противу Турокъ).

Мейендорфъ любилъ Котляревскаго; онъ отличалъ его особенною своею довѣренностію за умъ и предпріимчивость и поручилъ ему вести журналъ военныхъ дѣйствій; извѣстенъ лишь отрывокъ этого журнала, съ 15 ноября по 16 декабря 1806 года.

Колі козакъ въ полі, тоді вінъ на волі, говаривалъ Котляревскій ⁽²⁾; по сдѣлавшись вольнымъ, онъ призадумался — и было отчего: ему нечѣмъ было жить. Онъ отправился искать себѣ мѣста въ Петербур-

⁽¹⁾ Буджацкіе Татары кочевали тогда на правомъ берегу р. Днѣстра, по сѣверо-западной сторонѣ Чернаго моря до устья р. Дуная. *А. В. Т.*

⁽²⁾ Эти слова его помѣщены и въ Наталкѣ-Полтавкѣ (рукоп.).

гѣ. Здѣсь онъ долго толкался по переднимъ *у сильныхъ міра*, просилъ, но просилъ напрасно. Хотя Энеида была издана еще въ 1798 г., но не много помогла поэту: на него смотрѣли какъ на всякаго бѣдняка безъ помощи и протекціи. Не разъ приходилось ему сидѣть голоднымъ, спать въ сырой, холодной комнатѣ. Къ горю для его любознательности, онъ часто былъ лишенъ отрады — *читать*; когда наступали утомительно-длинные осеннія ночи, онъ даже не имѣлъ возможности постоянно держать у себя свѣчи: зажжетъ, бывало, часа на два, а потомъ потушить, и всю ночь проведетъ въ разсужденіяхъ о слѣпому и непостоянному счастью, которое онъ сравнивалъ съ женщиной: *оцѣ жіноцька нату́ра — щастя!* Быть можетъ, въ эту пору жизни, онъ написалъ стихи про *Долю*:

Безъ розуму люде въ світі живуть гърно,
А зъ розумомъ та въ недолі вікъ проходить марно.
Ой доле людська, чомъ ти не правдіва?
Що до іншихъ дуже грѣчна ⁽¹⁾, а до насъ спісіва ⁽²⁾.

Бѣдный, онъ не разъ страдалъ отъ нужды и холода. Одѣтый въ фризую шинель, служившую ему также и постелью и одѣяломъ, онъ дрожалъ подъ нею отъ стужи; но надежда на лучшее будущее и крѣпкое сложеніе поддерживали его. Котляревскій былъ средняго роста, плечистъ и силенъ; волосы имѣлъ черные, глаза тоже черные, исполненные огня и ума; лицо бѣлое, продолговатое, изрытое оспою, доброе и очень пріятное; на губахъ его часто бродила насмѣшливая улыбка ⁽³⁾.

Не видя конца своимъ похождениямъ по барскимъ пріемнымъ, Котляревскій сильно затосковалъ по родинѣ, подобно многимъ нашимъ землякамъ, искавшимъ неуловимаго счастья въ Петербургѣ.

Послѣ продолжительныхъ исканій, Котляревскому наконецъ удалось, въ іюнѣ 1810 г., получить должность надзирателя Полтавскаго дома воспитанія дѣтей бѣдныхъ дворянъ. Этимъ онъ былъ обязанъ одному изъ незначительныхъ лицъ, принявшему въ немъ искреннее участіе ⁽⁴⁾.

⁽¹⁾ Вѣжлива, угодлива.

⁽²⁾ Изъ Наталки-Полтавки.

⁽³⁾ В. Пассекъ (см. Москвитинъ 1841 г. ч. 2, № 3, с. 567). видѣлъ Котляревскаго въ 1837 г., за годъ до его смерти; въ это время онъ былъ художавъ и сѣлъ.

⁽⁴⁾ Въ Сѣверной Пчелѣ 1839 г. и Ж. М-ва Нар. Просв. того же года ч. XXIV, отд. IV, стр. 167, сказано, что малороссійскій генералъ-губернаторъ кн. Я. Н. Лобановъ-Ростовскій пригласилъ его въ гражданскую службу и далъ ему мѣсто надзирателя. Но онъ не зналъ лично Котляревскаго, за котораго просили князя; впоследствии же, узнавъ его способности, цѣнилъ ихъ. А. В. Т.

Мѣсто, само по себѣ не важное, ни по росписи должностей, ни по содержанію (около 300 р. асс. въ годъ), было ему по сердцу. Онъ хотѣлъ жить и умереть на родинѣ, и съ восторгомъ полетѣлъ въ Полтаву, гдѣ съ жаромъ принялся за улучшеніе подвѣдомственнаго ему Дома, въ которомъ воспитывалось отъ 200 — 250 дѣтей.

Во время службы онъ не переставалъ трудиться надъ своими драматическими сочиненіями, и тогда же вновь передѣлывалъ Энеиду.

Предъ наступавшею войною съ Наполеономъ, Котляревскому поручено было, въ 1812 г. малороссійскимъ генераль-губернаторомъ кн. Лобановымъ-Ростовскимъ, составить 5-й конный козацкій полкъ. Котляревскій исполнилъ это въ полмѣсяца: формированіе полка началось 15 августа, а 2 сентября полкъ выступилъ уже въ походъ.

Котляревскій весьма заботился объ улучшеніи дома дѣтей бѣдныхъ дворянъ. И послѣ Бецкаго, устроенные имъ корпуса служили образцомъ для подобнаго рода заведеній. Военная служба считалась въ то время почетнѣйшею; къ ней преимущественно готовились дѣти дворянъ.

По потребностямъ времени, въ нововведеніяхъ Котляревскаго преобладали также военные порядки: дѣти были одѣты по формѣ; въ число предметовъ преподаванія, кромѣ курса уѣзднаго училища и гимназій, вошли также военныя упражненія, ситуація, черченіе и танцованье. — Онъ усердно заботился объ увеличеніи способовъ содержанія, и о расширеніи самого заведенія ⁽¹⁾; при немъ устроена была больница. Письмо генераль-губернатора Лобанова-Ростовскаго къ Котляревскому изъ С. Петербурга 24 апрѣля 1815 г., доказываетъ заботливость его о Домѣ. Приводимъ это письмо вполнѣ, такъ-какъ оно характеризуетъ и время и отношенія князя Лобанова-Ростовскаго къ нашему писателю:

»Милостивый государь мой, Иванъ Петровичъ! Похваляя печность (*попеченіе*) вашу о порученномъ вамъ дѣлѣ, не имѣю еще я удобства похвалиться, чтобъ успѣхи мои о положеніи дома воспитанія бѣдныхъ были значительны; но ручаться могу, что безъ должнаго вниманія не могутъ они остаться. Коликожъ достигать то трудно, усмотрѣть вамъ можно будетъ изъ бумаги, сей день по матеріи благороднаго заведенія мною препровождаемой. Медленность возвращенія государя императора паче всего сію вещь, какъ и прочія, обременяетъ; но нѣтъ резону от-

(1) Домъ для воспитанія дѣтей бѣдныхъ дворянъ былъ учрежденъ, какъжется, вскорѣ по открытіи гимназій (въ 1808 г.); потомъ, въ 1823 г., былъ обращенъ въ училище чистописцевъ, а въ 1831 г. въ училище дѣтей канцелярскихъ служителей на 50 человекъ, для воспитанія дѣтей бѣдныхъ канцелярскихъ чиновниковъ. А. В. Т.

»чаяваться, чтобъ доброе попеченіе мое не исправило нужду и не по-
 »служило бы и къ удовлетворенію лицъ, подобно вамъ званіе свое от-
 »правляющихъ. Такое удостовѣреніе пріймите, пожалуйста, вкупѣ съ по-
 »втореніемъ усердѣйшаго почтенія, съ коимъ быть не престану. Вашъ
 »вѣрнѣйшій слуга, князь Яковъ Лобановъ-Ростовскій.« ⁽¹⁾

По истеченіи семи лѣтъ, считая со вступленія его въ должность надзирателя, онъ былъ награжденъ (5 октября 1817 г.) за улучшеніе дома воспитанія бѣдныхъ дворянъ: чиномъ майора, брилліантовымъ перстнемъ и, по смерти, пенсіономъ въ 500 р. асс.

Князь Лобановъ-Ростовскій, любившій изящныя искусства, содѣйствовалъ къ образованію въ Полтавѣ театра любителей, и Котляревскій часто являлся на немъ въ роляхъ, бывшихъ тогда въ славѣ комедій и оперъ. — Онъ отлично игралъ въ «Сбитенщикъ» и «Кутермъ, или безъ обѣду домой не їду.»

Котляревскій долго таилъ у себя свои собственныя драматическія сочиненія, какъ бы не довѣря самому себѣ; но превосходное исполненіе имъ ролей и молва вызвали въ немъ рѣшимость — передать ихъ на сцену. Этому въ-особенности содѣйствовалъ бывшій малороссійскій военный-губернаторъ, князь Н. Г. Репнинъ. Наталка-Полтавка явилась первая, въ 1819 г. Она была принята съ громкимъ одобреніемъ, а имя сочинителя повторялось съ любовью не только во всей Малороссіи, но и во многихъ мѣстахъ Великороссіи и въ обѣихъ столицахъ. — Чрезъ нѣсколько времени, на Полтавскомъ же театрѣ показался «Москаль-Чаривнікъ», также принятый съ общею похвалою. — Этотъ «Чаривнікъ» замѣчателенъ еще какъ пьеса, въ которой съ полнымъ блескомъ про-являлся талантъ народнаго артиста, М. С. Щепкина. Многіе въ Полтавѣ помнятъ, какъ Щепкинъ, на бѣдномъ театрѣ, приводилъ всѣхъ въ восхищеніе. Раскрытіемъ своихъ дарованій въ выполненіи ролей изъ народной жизни онъ обязанъ Котляревскому, который видѣлъ въ немъ первокласнаго артиста; предвидѣніе его оправдалось.

Разрабатывая южно-русскій языкъ, Котляревскій трудился также надъ собираніемъ народныхъ пѣсенъ и имѣлъ большой запасъ ихъ. Куда это дѣвалось? — неизвѣстно.

Онъ также былъ членомъ харьковскаго общества словесности, въ 1822 г. избранъ членомъ С. Петербургскаго общества любителей русской словесности и помѣщалъ отрывки изъ 5 и 6 частей Энеиды (тог-

⁽¹⁾ Подлинное письмо хранится у А. В. Терещенка.

да еще неизвѣстныхъ), въ журналахъ: *Соревнователь*, *Утренней Звѣзды*, Петрова, и *Украинскомъ Вѣстникѣ*.

Онъ велъ большую переписку со многими лицами: съ Свинымъ, Бантышемъ-Каменскимъ ⁽¹⁾, кн. Шаховскимъ и нѣкоторыми членами русской академіи, съ князьями Лобановымъ-Ростовскимъ и Рѣшнымъ, которые очень его уважали и любили. Другомъ его былъ Павелъ Стеблинъ-Каменскій, служившій непрѣннымъ членомъ Приказа общественного призрѣнія въ Полтавѣ. Самъ Котляревскій, 25 августа 1827 г., былъ назначенъ попечителемъ Полтавскаго богороднаго заведенія.

Изъ сохранившейся росписки архимандрита полтавскаго крестовоздвиженскаго монастыря Гавріила, о принятіи имъ отъ Котлярскаго, 13 марта 1830 года, 717 экземпляровъ Св. писанія, бывшихъ въ полтавскомъ отдѣленіи русскаго библейскаго общества, видно, что Котляревскій былъ книгохранителемъ этого отдѣленія, помѣшавшагося въ соборной успенской церкви.

Подъ старость, Ив. П. сталъ хворать и сдѣлался раздражителенъ. Онъ, какъ вообще люди стараго времени, былъ требователенъ; а подъ конецъ своей службы, говорятъ, считалъ за обязанность — наказывать пойманнаго имъ воспитанника, котораго товарищи поставили сторожить пріѣздъ надзирателя. Усилившееся разстройство здоровья принудило его, наконецъ, просить объ увольненіи отъ службы. Въ прошеніи его, поданномъ 16 Іюля 1834 г., онъ писалъ, что «чувствуетъ во всемъ своемъ составѣ, особливо въ ногахъ, слабость, изнуреніе силъ, онемѣніе правой ноги и руки, и просить вовсе уволить его отъ должности попечителя и надзирателя, наградивъ за службу, болѣе 35 лѣтъ продолжавшуюся, пенсіономъ.» Это прошеніе писано уже дрожащею рукою. Котляревскій былъ уволенъ 31 января 1835 г., и по положенію комитета министровъ, ему назначено, независимо отъ пенсіи, еще по 600 р. въ годъ. Этимъ онъ былъ обязанъ ходатайству кн. Н. Г. Рѣшнина.

Котляревскій оставилъ по себѣ память благотворительнаго и чистаго человека. Онъ помѣщалъ бѣдныхъ сиротъ въ подвѣдомственный ему домъ; несчастныхъ по чему-либо поддерживалъ пособиями или ходатайствомъ за нихъ, и вообще былъ полезенъ своимъ вліяніемъ. До сихъ поръ многіе хвалятся его благотѣльнымъ участіемъ.

Съ увольненіемъ Котляревскаго, никто не видалъ его въ обществѣ: по слабости здоровья онъ не могъ уже ходить и рѣдко кого при-

(1) Бантышъ-Каменскій для своей исторіи Малороссіи пользовался отъ Котляревскаго многими объясненіями, о чемъ говоритъ самъ. А. В. Т.

нималъ у себя. Всѣ знакомые липились въ немъ своего лучшаго, веселаго собесѣдника. Онъ былъ простъ въ обращеніи, но подъ своею простотою хранилъ возвышенное сердце, доступное всѣмъ благороднымъ чувствамъ. Въ своихъ мнѣніяхъ о людяхъ онъ не былъ скоръ, но зато сужденія его отличались основательностью. Иванъ Петровичъ былъ душею дружеской бесѣды: рассказывалъ забавно и остро, разоблачалъ дѣйствія людей шутками, иногда извительными, прибаутками и пословицами. Онъ обладалъ народнымъ юморомъ въ высокой степени. Никто не былъ въ состояніи возражать на его колкія замѣчанія и, въ то же время, никто не смѣлъ быть недоволенъ его намеками, которые каждый слушатель относилъ къ другому, тогда какъ это падало на него самого. У себя Иванъ Петровичъ былъ гостепріименъ, — жилъ весьма скромно и обходился просто, въ особенности съ народомъ. Крестьянинъ, или козакъ, встрѣтивъ его на улицѣ, снималъ низенько шапку и кланялся, говоря: *здорѣвъ будь, пане Іване Петровичу!* Встрѣчается ли съ нимъ, бывало, женщина, и та отдастъ ему поклонъ: *здорѣвенькі були, добродію-кѹме!* Даже дѣти знали его подъ именемъ *кѹма*, но общаго, потому что онъ не отказывалъ никому изъ горожанъ, кто ни приглашалъ его въ воспріемники. Онъ любилъ бывать въ семьѣ простолюдина, гдѣ давалъ своимъ разговорамъ просторъ, на родномъ языкѣ, приправляя бесѣду прибаутками и поговорками.

Посѣщавшихъ его принималъ радушно и угощалъ какъ истый хлѣбосоль-Украинецъ. Ученые и путешественники, заѣзжавшіе въ Полтаву, считали какъ бы за обязанность навѣстить его, и всѣ бывали очарованы его умною и живою бесѣдою. Самая болѣзнь не измѣнила его привѣтливости и остроумія ⁽¹⁾.

Съ прѣмѣрнымъ терпѣніемъ переносилъ онъ страданія тягостной своей болѣзни, и угасть на 70 г. жизни ⁽²⁾. Женатъ онъ не былъ и, еще до кончины, отпустилъ на волю своихъ людей, состоявшихъ изъ двухъ семействъ, а движимое и недвижимое имущество раздалъ роднымъ и пріятелямъ ⁽³⁾.

(1) В. Пассекъ, посѣтившій его въ 1837 году, пишетъ: «онъ принялъ меня очень привѣтливо и, не смотря на болѣзнь, которая замѣтно беспокоила его, шутилъ и спрашивалъ о моихъ поѣздкахъ». Москвитининъ 1841 г., ч. 2.

(2) Онъ умеръ въ 1838 году, октября 29. Такъ сказано въ надгробной надъ нимъ надписи. Г. Галанинъ пишетъ ошибочно, будто онъ родился въ 1768 году, а умеръ въ 1830 г. (Журн. Мин. народн. просв., ч. XXXII.)

(3) Домъ его достался вдовѣ унтеръ-офицершѣ Веклевичевой, записан-

На погребеніе Котляревскаго собрался почти весь городъ. Нѣкоторые изъ его почитателей приняли похоронные расходы на свой счетъ. Толпы вѣхъ сословій провожали брѣнные останки Котляревскаго до самой могилы, не взирая на дождливо-пенастную погоду, и этимъ свидѣтельствовали некрѣпкую къ нему признательность какъ къ писателю и человѣку. Онъ погребенъ на общемъ городскомъ кладбищѣ, расположенномъ по Кобелякской дорогѣ. Могила его находится рядомъ съ могилою другаго славнаго соотечественника нашего, переводчика *Иліады*, Н. И. Гнѣдича; надъ обоими ими почти одинаковые могильные памятники: пирамиды изъ кирпича. Они начинаютъ разрушаться и стоятъ уныло у самой проезжей дороги ⁽¹⁾.

Изъ оставшихся послѣ К-го рукописей извѣстны слѣдующія:

- 1) Журналъ военныхъ дѣйствій 2 корпуса 1806 г., въ трехъ томахъ.
- 2) Размышленія о расположеніи, съ какимъ должно приступать къ

ный ей самимъ Котляревскимъ, а потомъ былъ проданъ г-жѣ Панченко. Веклевичева была экономкою у Котляревскаго.

(1) На родину перенесено лишь сердце Гнѣдича, а тѣло погребено въ Петербургѣ на кладбищѣ Невской Лавры, называемомъ Карамзинскимъ, по мѣсту погребенія Карамзина. Здѣсь памятникъ Гнѣдича состоитъ изъ стѣной гранитной пирамиды, съ надписью—на одной сторонѣ: «Николай Ивановичъ Гнѣдичъ, род. 1784 г. февраля 2, сконч. 1833 г. февраля 3;» а на другой: «Гнѣдичу, обогатившему русскую словесность переводомъ *Омира*.» Подъ этою надписью вставленъ, изъ бѣлаго мрамора, рельефный бюстъ переводчика и вырѣзанъ стихъ изъ *Иліады*, живо напоминающій о Гнѣдичѣ:

Рѣчи изъ устъ его вѣщихъ сладчайшія мѣда лилися.

Подъ этими строками написано: «Отъ друзей и почитателей.» На верху памятника бронзовый крестъ съ надписью: «Христе, спаси его.» А. В. Т.

Н. И. Гнѣдичъ завѣщалъ свою классическую библіотеку Полтавской гимназіи. Гнѣдичъ, также какъ и Котляревскій, горячо любилъ и родину и родной языкъ. Къ-сожалѣнію, онъ отсталъ отъ украинскаго языка въ Петербургѣ, а то, вѣроятно, попытался бы перевести *Иліаду* по-украински, — разумѣется, дополняя недостающія слова церковно-славянскими и вновь составленными, подобно тому, что мы видимъ и въ существующемъ его переводѣ. Героическія поэмы и наивныя повѣствованія древнихъ (*Иліада*, *Одиссея*, *Геродотъ* и т. п.) безъ сомнѣнія, могли бы быть переданы гораздо ближе къ классической простотѣ подлинниковъ на южно-русскомъ языкѣ, нежели передаютъ ихъ тѣ переводы, которые мы читаемъ теперь на великорусскомъ. Это мнѣніе не покажется страннымъ, кто приметъ въ соображеніе народную исторію, характеръ народа, его міровоззрѣніе, нравы, преданія, всю обстановку жизни и самый ходъ южнорусской словесности, которая вышла прямо изъ народа, постоянно отъ него питается и къ нему обращается.

чтенію и размышленію о Св. Евангеліи Луки. Это переводъ изъ *Évangile medité distribué pour tous les jours de l'année, suivant la concorde des quatre évangélistes, augmenté d'une notice, par le P. Duquesne, XIII tomes, Lyon, 1816.* Изъ замѣтокъ переводчика на краяхъ листовъ видно, что онъ началъ эту работу въ октябрѣ 1823 г. и кончилъ 17 іюня 1838 г., почти за четыре съ половиною мѣсяца до своей кончины. Эти размышленія состоятъ изъ 359 разсужденій.

3) Разныя письма, бумаги и акты именныя ⁽¹⁾; многое писано его рукою.

4) Замѣтка ⁽²⁾ о нѣкоторыхъ народныхъ обычаяхъ, отрывки изъ

⁽¹⁾ Все это хранилось у Александры Егоровны Стеблинъ-Каменской, вдовы друга Котляревскаго. По предложенію А. В. Терещенка, г-жа Ст.-К. согласилась передать эти бумаги въ Императорскую публичную библиотеку, что и сдѣлано 23 октября 1858 г.

⁽²⁾ Вотъ-что заключается въ замѣткѣ Котляревскаго:

1) Въ Полтавѣ и въ смежныхъ городахъ, слова: *конь, волъ, ножъ, котъ, подолъ, мостъ* и проч., произносятъ простолюдины: *кинъ, вилъ, нужъ, китъ, подилъ, мистъ* и проч.; но въ сихъ же словахъ, въ другихъ падежахъ единственнаго и множественнаго чиселъ, сохраняютъ *о: волю, коня, моста, на подоль* и проч. Въ Черниговской же губерніи произносятъ: *кунъ, вулъ, нужъ*, и проч.

2) Пѣсню: *ой біда чайці, чайці небозі*, неизвѣстно кто именно сочинилъ, но многіе полагаютъ, что сочинилъ ее послѣдній Запорожскій кошевый Калинішъ (П. И. Калишъ или Кальнишевскій). «Предположеніе, какъ извѣстно, невѣрное».

3) *Світѣлки*, въ Полтавской губерніи, держали въ рукахъ саблю, съ привязанной къ ней лентою, по, кажется безъ цвѣтовъ. Сабля сія означала званіе дѣвушки, ее державшей (світѣлки), при вѣчаніи въ церквѣ, а дома эта сабля стояла въ главномъ углу хаты (на покутьѣ), чрезъ весь первый день свадьбы. Теперь весьма рѣдко гдѣ сіе употребляется.

4) Молодая смотритъ въ *дивень* (?), въ день свадьбы во время обѣда, ибо молодые за обѣдомъ ничего не ѣдятъ, и ложки ихъ лежатъ связаны красной лентой. Это также выходитъ изъ употребленія.

5) Въ Полтавской губерніи, за другія не знаю, молодой говоритъ *покадай батьковы*, и проч., предъ самымъ отвозомъ невѣсты въ свой домъ, въ первый день свадьбы передъ вечеромъ. При сей поговоркѣ молодой, сидя верхомъ на лошади, объѣзжаетъ кругомъ три раза возъ, на которомъ сидитъ молодая и помахиваетъ надъ ея головою плетью (малахѣемъ). Въ нынѣшнее время едва ли это употребляется.

6) Въ Полтавской губерніи, братъ молодой не расплетаетъ косу, а ставши въ углу у дверей съ *кіемъ* (родъ булавы), изъ соломы сдѣланнымъ, грозитъ убить молодого зато, что сей беретъ къ себѣ сестру его, и показываетъ видъ мстителя, пока молодой не умиловитъ его нѣсколькими *шагами* (грошами), или пятаками. Это дѣйствіе называется: братъ продаетъ сестру. Сіе бываетъ предъ сборами къ отъѣзду въ домъ молодого».

Энеиды, (Наталка) Полтавка, и Триумфъ И. А. Крылова; всё писаны рукою Котляревскаго.

Энеида Котляревскаго была принята съ восторгомъ не только въ Малороссіи, но и въ Россіи: она долго читалась и перечитывалась, читалась и простолюдинами — малороссами, узнававшими въ герояхъ себя и смѣявшимися надъ собою.

Въ первый разъ Энеида была напечатана въ 1798 г. ⁽¹⁾ (на 29 году жизни Котляревскаго, когда онъ былъ прапорщикомъ). Дошедшихъ до нашего времени изданій было *четыре*, подъ слѣдующими заглавіями:

Первое: Энеида, на малороссійскій языкъ перелицованная И. Котляревскимъ. Напечатана въ *трехъ* частяхъ иждивеніемъ М. Парпуры, въ С. Петербургѣ, 1798 г., in 8° (безъ означенія типографіи). Экземпляръ этого изданія былъ подаренъ Россійской Академіи извѣстнымъ медикомъ, Каменецкимъ, за собственной его надписью: »Императорской россійской академіи отъ издателя г. надворнаго совѣтника и инспектора С. Петербургскаго физиката, Іосифа Кириловича Каменецкаго.«

Второе: подъ тѣмъ же самымъ заглавіемъ; напечатано въ *трехъ* частяхъ иждивеніемъ того же М. Парпуры, въ С. Пб. въ типографіи Ив. Глазунова, въ 1808 г. in 8°. Экземпляры этого, какъ и перваго, изданія хранятся въ библіотекѣ императорской академіи наукъ и составляютъ библіографическую рѣдкость.

Третье: (заглавіе тоже самое) заключаетъ въ себѣ уже четыре части, посвящено помѣщику Полтавской губерніи Семену Михайловичу Кочубею, иждивеніемъ коего напечатано въ С. Петербургѣ, въ медицинской типографіи 1809 г. in 8° ⁽²⁾.

Четвертое — уже носитъ другое заглавіе, именно: *Виргиліева Энеида*, на малороссійскій языкъ переложенная И. Котляревскимъ. Напечатана въ Харьковѣ въ университетской типографіи, 1842 г. in 8°, въ *шести* частяхъ.

Первыя два изданія печатаны безъ всякой перемѣны и вышли въ свѣтъ безъ вѣдома и согласія сочинителя, съ ошибками и упущеніями, которыя Котляревскій исправилъ при изданіи 1809 г. При четвертомъ изданіи встрѣчаемъ, въ заглавіи, прибавленіе — *Виргиліева*, — совершенно невѣр-

⁽¹⁾ Въ журналѣ Мин. Народ. Просв. 1849 г. ч. 64, показано невѣрно, что первое изданіе вышло въ 1796 г.

⁽²⁾ Въ статьѣ Галанина (журналъ Мин. Народн. Просв., 1841, ч. 32, отд. VI, стр. 44.) сказано, что Энеида, посвященная С. М. Кочубею, напечатана въ 1804 г. Откуда взято это свѣдѣніе? А. В. Т.

ное. Самъ авторъ назвалъ ее *Энеида перелиційованная*, обнаруживая этимъ, что передѣлалъ ее *по-своему*, слѣдовательно его Энеида перестала быть *Виргиліевою*. Дѣйствительно, герои Виргиліевой эпопеи гримированы по-украински.

Котляревскій, приготовивъ къ печатанію пятую и шестую части своей Энеиды, не успѣлъ самъ издать ихъ, и въ 1838 г. передалъ право печатанія г-ну Волохинову.

При сличеніи отрывка 6-й части Энеиды, въ 4-хъ тетрадкахъ, писанныхъ самимъ сочинителемъ, — съ изданіемъ 1842 г., вездѣ встрѣчается измѣненіе въ правописаніи противу подлинника. Въ рукописи, гдѣ повсюду *и* и *ь*, въ печатномъ *ы* и *и*, на примѣръ: листикъ — лыстыкъ; гнѣвомъ — гнывомъ (!), жинки — жинкы, и т. п.

Шестая часть, по печатному, состоитъ изъ 171 куплета, а по рукописи изъ 118; недостаетъ 53. Первая тетрадь переписана съ прилѣжаніемъ и имѣетъ незначительныя поправки; послѣднія три писаны почти на-скоро, блѣдными чернилами и съ большими поправками. Всѣ они въ четверть листа; бумага грубая и желтоватая. Начало содержанія первой тетради согласно съ печатнымъ; потомъ шестая часть прерывается недостающими куплетами, вѣроятно, потерянными по смерти автора. Въ подлинныхъ тетрадкахъ встрѣчаются любопытныя передѣлки сочинителя.

Число изданій Энеиды показываетъ, что Котляревскій отвѣчалъ на какую-то потребность общества въ теченіи 40 слишкомъ лѣтъ, т. е. съ 1798 по 1842 годъ. Теперь почти нѣтъ въ продажѣ и послѣдняго изданія.

Нѣкоторыя мѣста изъ Энеиды повторяются наизусть многими Украинцами; есть любители, знающіе ее всю на-память. Многія выраженія приводятся вмѣсто поговорокъ или изрѣченій ⁽¹⁾.

(1) Укажемъ на тѣ, которыя намъ удавалось слышать:

Вінъ, взявши торбу, тігу давъ
(Говорять о мнимомъ храбрѣѣ.)

—

Чи рібу зъ Дону везете?
Чи, може, виходці — бурлаки?
Куди, прочане, ви йдете?

—

Между-тѣмъ, критика, въ настоящее время, произноситъ надъ самимъ Котляревскимъ и надъ его Энеидою строгій приговоръ. Кто-же ошибся? кто больше правъ: общество-ли, относящееся къ личности поэта и его произведенію съ уваженіемъ и любовью, или—критика, подвергнувшая и личность и произведеніе Котляревскаго безусловному осужденію?... На это мы постараемся дать свой отвѣтъ въ слѣдующей статьѣ.

Хибá рíжнá ти захотíвъ?

Чи се и тí пустíвъсь въ ледáщo?

Комú не жáль своíхъ зубíвъ?

Чимъ бíлшъ журíтися — все гíрше!

Бувáе щáстя скрізь погáнцямъ.

Пилí, игрáли, женихáлись,—

Нíхтo безъ дíла не сидíвъ.

Гай, гáй-же, слíхомъ послíхáти!

Смирéнної булі нaтúри,

Склaдáли рúки на живíтъ;

Умíльно Бóгу все моли́лись,

И вслухъ не лáяли люде́й:

На чо́ткахъ мíръ пересужда́ли.

Хвата́вся за де́ргу и ту́лився,

Мовъ одъ ко́тá въ комо́рі ми́шъ.

Надúвъсь, мовъ на о́гні лопúхъ.

Такъ, ві́чної пáм'ятi, бувáло

У насъ Гетьмáнщині ко́лись!

Жíнкí! ко́либъ ви бíльше íли,

А меншъ пащíкува́ть умíли,

Бу́либъ въ раю́ ви и за се́.

Чи дúже спíтця,

Якъ до́ля прóти насъ я́рiтця?

Зíсть, кáжуть, сaтaні́ сестри́ця,

(Будетъ продолженіе.)

ВОСПОМИНАНІЕ

О

СОЛЕНИКЪ,

ЗНАМЕНИТѢЙШЕМЪ УКРАИНСКОМЪ АКТЕРѢ.

Въ началѣ октября прошлаго 1860 года я былъ въ Харьковѣ. Прекрасный осенній день побудилъ меня прогуляться за городомъ... Мы ѣхали по новому московскому шоссе. Вираво видѣлось кладбище и мнѣ сказали, что тамъ погребенъ извѣстный украинскій актеръ *Соленикъ*, и что одинъ изъ почитателей его таланта соорудилъ ему надгробный крестъ и начерталъ на немъ украинскіе стихи. Я полюбопытствовалъ взглянуть, и мы своротили къ кладбищу. Вошедши въ ограду, я скоро отыскалъ три креста вмѣстѣ, почти одинъ возлѣ другаго, надъ могилами Соленика, актера Дранше и актриссы Микульской. На крестѣ, что надъ могилой Соленика, я прочелъ съ одной стороны надпись: »Во имя тріипостаснаго Бога, Отца, Сына и Святаго Духа, здѣсь погребено тѣло раба Божія Карпа Трофимовича Соленика, знаменитѣйшаго малороссійскаго актера, которому этотъ крестъ поставилъ Запорожскій козакъ А. И. Стратоновичъ«; а на другой сторонѣ слѣдующіе стихи:

Дивіся зъ неба, Солениче,
Якъ криво серце чоловіче:
Якъ ти колись на світі живъ
Та щиро публиці служивъ,
Такъ публіка тобі живому
Квітки кидала, якъ соліму;
А вмеръ, артисте — небора́че,
То й байдужé! — ніхто не ба́че,
Що прахъ лежить твій безъ хреста...
Пора́, ба́ть, гу́лькнула не та:
Тепе́рь вже ста́ла Україна
Холо́дна, бу́цимъ домові́на....

Такое рѣдкое и исключительное выраженіе вниманія и сочувствія къ художнику, отъ лица, чужого ему, но близкаго по одной любви къ искусст-

ву, не можетъ не тронуть всякаго, кому доступно истинное пониманіе искусства и его представителей. И я оживилъ въ своемъ воспоминаніи наслажденіе, которое доставляла игра Соленика: пусть эти строки будутъ и моимъ поклономъ его памяти, въ виду его могилы.

Въ надгробной надписи Соленикъ справедливо названъ *знаменитѣйшимъ малороссійскимъ актеромъ*: подобнаго артиста не было еще въ нашемъ краѣ. Если при жизни его мы восхищались безотчетно его талантомъ, то теперь, по смерти его, припоминая тогдашнія наши впечатлѣнія, мы убѣждаемся, что это былъ талантъ истинно художественный, вполне самобытный. Не обинуясь можно сказать, что это былъ нашъ мѣстный Мартыновъ, котораго недавнюю утрату живо чувствуютъ столичная сцена и столичное общество: Соленикъ почти одновременно съ Мартыновымъ, но независимо отъ него, попалъ на ту же стезю сценическаго искусства, по которой шелъ Мартыновъ. Въ обоихъ актеръ являлся не какою нибудь искусственною моделью оригинальныхъ личностей, но подлиннымъ человекомъ, въ его естественномъ видѣ. Въ этомъ и заключается существенная разница новаго искусства отъ стараго: послѣднее представляло и людей хуже или лучше, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ, первое же представляетъ ихъ такими, каковы они въ дѣйствительности.... И у Соленика, какъ у Мартынова, каждая выполняемая роль не была только олицетвореніемъ типа мужика, лакея, кушца, нѣмца или чиновника; но каждый типъ представлялъ зрителямъ то лицо, которое избрано авторомъ пьесы для изображенія того или другого типа. Не только достигнуть подобнаго исполненія ролей, но даже постигнуть необходимость и возможность такого исполненія, есть уже доказательство необыкновенной артистической натуры, недовольствующейся рутинною манерой, усвояемой на практикѣ даже и талантливыми актерами. Какъ истинный художникъ, Соленикъ, подобно Мартынову, не прибѣгалъ къ фарсу, чтобы разсмѣшить зрителей: въ каждомъ изъ нихъ былъ обильный запасъ природной веселости, заражавшей зрителя невольно. Но если тогда, когда предъ нами на сценѣ были эти артисты, мы легко поддавались обаянію веселости, которое производила игра ихъ: то теперь, вникая въ свойство ея и внутреннюю характеристику самихъ артистовъ, мы удостоверяемся, что это было величайшимъ торжествомъ искусства. Смѣхъ заразителенъ, — это правда; но если серьезный видъ артиста возбуждаетъ въ васъ истерическій смѣхъ, — нельзя въ такомъ артистѣ не признавать натуру необыкновенную, гениальную!... Высшая точка артистическаго совершенства достигается тогда, когда природа и искусство становятся чѣмъ-то нераздѣльнымъ, когда искусство явля-

еть безыскусственную природу, а въ природѣ не замѣчается и тѣни искусства.... Таковы были Мартыновъ и Соленикъ! Вотъ почему оба они бывали на сценѣ какъ у себя дома, и никогда не терялись отъ какихъ бы то ни было сценическихъ случайностей. Нельзя однакожъ не видѣть и различія между ними: Соленика отчасти справедливо упрекали въ однообразіи, тогда какъ разнообразіе было отличительнымъ качествомъ Мартынова. Причина тому заключается не столько въ способностяхъ самихъ артистовъ, сколько въ сценическомъ ихъ образованіи и опытности, да и десятокъ лѣтъ въ наше время, протекшихъ отъ смерти Соленика до смерти Мартынова, стоить нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ прежняго времени. Впрочемъ, оба артиста похищены такъ сказать на полу-пути служенія ихъ сценическому искусству: для обоихъ впереди лежалъ еще длинный путь усовершенствованія, а такіе люди не останавливаются, пока не остановитъ ихъ предѣлъ, егоже человѣкъ не преидеть.... Не многіе счастливыцы достигаютъ удѣла — развить свои способности и совершить свое назначеніе вполнѣ, подобно великому нашему артисту-ветерану.

Чтобъ напомнить о Соленикѣ знавшимъ его и незнавшимъ, представимъ краткій очеркъ жизни его, какъ человѣка и артиста. Провинціальный актеръ едва ли не одно изъ тѣхъ существъ, къ которымъ всего болѣе идетъ нѣмецкая пословица: aus den Augen, aus den Sinn. — Соленику выпало на долю исключеніе въ этомъ случаѣ, можетъ статься, потому, что и онъ былъ такимъ исключеніемъ между провинціальными актерами, какихъ немного... нѣтъ, какихъ весьма мало!... Его помнятъ до сихъ поръ вездѣ, гдѣ только его видѣли. Тотчасъ по смерти его напечатанъ былъ некрологъ съ нѣкоторыми подробностями о его жизни и сценической дѣятельности и съ краткой характеристикой его художнической личности. Это статья: «К. Т. Соленикъ, замѣчательнѣйшій провинціальный актеръ,» г. Рымова, напечатанная въ Пантеонѣ 1852 г. № 2-й. Извлекаемъ изъ этой статьи слѣдующія біографическія свѣдѣнія:

«Карпъ Трофимовичъ Соленикъ, или правильнѣе, *Соленикъ*, родился въ маѣ 1811 года, въ городѣ Леплѣ, Могилевской губерніи. Отецъ его служилъ въ той губерніи уѣзднымъ землемѣромъ. Проведя почти всю жизнь свою въ Малороссіи, К. Т. справедливѣе могъ считать своею родиной этотъ край, чѣмъ какой-либо другой. Не знаемъ ничего о его дѣтствѣ. Извѣстно только, что около 18-ти лѣтнаго возраста онъ поступилъ въ Виленскій Университетъ, по математическому факультету. Курса здѣсь онъ не окончилъ — почему? — намъ не извѣстно. Слышали мы, что еще сидя на ученической скамьѣ, онъ обнаруживалъ

страсть къ театру. Быть можетъ это-то и заставило его бросить учебныя занятія. Непзвѣстно также, какими судьбами, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, попалъ онъ въ труппу Штейна, бывшаго содержателя Харьковскаго театра. Поступилъ онъ въ нее сначала суфлеромъ, но былъ имъ, вѣроятно, не долго. У насъ есть Харьковская театральная афиша 1832 года; въ ней, кажется, въ первый разъ попадается имя Соленика; онъ игралъ тогда роль слуги *Провора*, въ комедіи «Неслыханное диво, или Честный Секретарь», суфлера Шепталова, въ пьесѣ «Страшное представленіе, или сюпризъ публикѣ.» Потомъ, спустя года два, когда бывшій въ труппѣ Штейна актеръ Млотковскій завелъ свой театръ въ Курскѣ, — Соленикъ поступилъ къ нему, и здѣсь-то собственно началъ свое артистическое поприще, въ небольшихъ, третьестепенныхъ роляхъ. Умная, живая игра молодого актера скоро понравилась публикѣ и онъ быстро пошелъ впередъ.

»Въ 1841 году онъ женился на актрисѣ Харьковскаго театра, дѣвицѣ Протасовой. Оригинально было сватовство его. Однажды вечеромъ, идя мимо ея квартиры, увидѣлъ, что она сидитъ подъ окномъ. Онъ остановился у окна и, безъ дальнихъ объясненій, сказалъ ей: «женимся?» — «Женимся!» отвѣчала она, и въ тотъ же вечеръ они обручились. Отъ этого брака было у нихъ двое дѣтей, но они жили не долго.

»Жизнь провинціального актера, обыкновенно — кочевая жизнь. Несогласія съ антрепренеромъ, выгодныя приглашенія (переманки) въ труппу другого города и тому подобныя причины заставляютъ его скитаться изъ края въ край; тоже было и съ Соленикомъ, хотя не въ такой степени, какъ это водится за другими. Онъ игрывалъ въ Кіевѣ, Кишиневѣ, Воронежѣ, Одессѣ и, преимущественно, въ Харьковѣ. Харьковъ любилъ онъ особенно. Въ 1851 году понавѣдался онъ въ Одессу; но скоро опять воротился къ намъ, въ Харьковъ, какъ будто предчувствуя свою смерть, какъ будто снѣша умереть въ томъ городѣ, гдѣ его такъ любили. Одесса ему не нравилась и онъ съ нетерпѣніемъ снѣшилъ въ Харьковъ.

»Въ 1837 г. былъ онъ въ Вознесенскѣ, во время пребыванія тамъ Высочайшей фамиліи, и игралъ (въ труппѣ Ерохина) вмѣстѣ съ Щепкинымъ. Вниманіе публики къ нашему артисту было также велико, какъ и къ московскому. Оба они въ равной степени собирали обильную дань рукоплесканій и вызововъ. Одно значительное лицо, замѣтивъ блестящее дарованіе Соленика, предлагало ему свое покровительство, приглашая его на Петербургскую сцену. «Нѣтъ, ваше сіятельство», отвѣчалъ Соленикъ: «я — Малороссѣ, люблю Малороссію, и мнѣ жаль разстаться

съ нею. « Не то же ли было причиною и скорого возвращенія его къ намъ изъ Одессы?

»И радостно принялъ Харьковъ своего давнишняго любимца! «Нашъ Соленикъ опять у насъ! «вотъ-что говорили тогда всѣ, если рѣчь заходила о театрѣ. Зная его опытность въ дѣлѣ сценическаго искусства, наша театральная дирекція поручила ему обязанность режиссера.

»Но въ послѣдней половинѣ августа 1851 году имя Соленика вдругъ исчезло съ афишъ: онъ заболѣлъ. «Что съ нимъ? каковъ онъ?» спрашивали всѣ, сходясь въ театрѣ. «Хуже и хуже!» было отвѣтомъ на это. Потомъ мы услышали—умираетъ! а 7 октября, въ половинѣ 9-го часа утра, когда намъ случайно довелось быть въ театрѣ, насъ поразили слова театральнаго сторожа, вбѣжавшаго въ сѣни: «уже одѣли и положили на столъ!» — «Кого?» спросили мы. «Соленика!... « Главною причиною его смерти была чахотка.

»Онъ умеръ спокойно, исповѣдавшись и причастившись въ полной памяти. Только часа за два до смерти онъ неразъ впадалъ въ бредъ на нѣсколько минутъ. Жалобъ на преждевременную смерть отъ него не было слышно (онъ умеръ 41 года отъ-роду). Но по нѣкоторымъ предсмертнымъ словамъ его можно догадываться, что онъ не безъ грусти покидалъ свѣтъ. Хотя для него потеря жизни была «не утрата», но совершенною непривязанностію къ землѣ кто можетъ похвалиться, особенно, когда смерть заглянетъ въ глаза? Такъ, когда осторожно предложили ему исполнить долгъ христіанскій, — онъ согласился на это охотно, но узнавъ, что уже хотятъ послать за священникомъ, тревожно спросилъ: «развѣ сегодня?» Подобное безпокойство проявлялось и въ послѣдніе часы его жизни. «Ну, что вы скажете? Не нужно ли чего вамъ?» спросила его въ одну изъ этихъ минутъ хозяйка дома, гдѣ онъ квартировалъ. «Я скажу вамъ, что больному нуженъ покой!» возразилъ умирающій съ недовольнымъ видомъ.

»8-го октября, въ 4 часа послѣ обѣда, тѣло его вынесли въ Крестовоздвиженскую церковь, а въ слѣдующій за тѣмъ день, часу въ первомъ по полудни, выслушавъ обѣдню, проводили мы его на новое кладбище. Много шло народу за гробомъ, качавшимся на дрогахъ, подъ чернымъ балдахиномъ. Многіе плакали; за гробомъ пѣли пѣвчіе и стонала погребальная музыка; на гробовой крышѣ, малиноваго цвѣта, лежала эмблема заслугъ покойнаго—на ней зеленѣлъ вѣнокъ, сплетенный изъ лавра и мирта — украшеніе гроба, до сихъ поръ у насъ еще невиданное! Нако-

нецъ, могильный склепъ, выложенный бѣлымъ камнемъ, навѣки скрылъ отъ насъ Соленика....

»Его положили подлѣ могилы артера Дранше, очень любимого когда-то публикою, но схороненнаго очень скромно.

»И завидною показалась намъ участь такого артиста, какимъ былъ Соленикъ! Посмотрите: жилъ на чужбинѣ, умеръ одинокъ, близкихъ родныхъ — ни души ⁽¹⁾, а при погребеніи тѣснятся вокругъ его гроба цѣлыя толпы, спѣшать дать ему послѣднее цѣлованіе, лютуютъ слезы, слышатся вздохи и грустные слова прощанія, и всѣ расстаются съ этимъ чужимъ человѣкомъ, какъ не всегда расстается и братъ съ братомъ, роднымъ по крови!»

»Соленикъ былъ замѣчательнъ и какъ человѣкъ. Прямой, благородный по натурѣ, гордый, самолюбивый, какъ сознающій свое достоинство, онъ былъ добръ и мягкосердеченъ. Онъ готовъ былъ отдать послѣдній червонецъ нуждающемуся ближнему. Его честность знаютъ всѣ, кто имѣлъ съ нимъ какое-нибудь дѣло.

»Вотъ очеркъ его наружности: онъ былъ очень не высокаго роста, худощавъ, но сложенъ стройно: Лицо... какъ бы вамъ описать его? Оно могло, пожалуй, показаться некрасивымъ на взглядъ того, кто полагаетъ красоту лица въ античной правильности очертаній, въ свѣжемъ, молочномъ цвѣтѣ кожи; но на наши глаза—оно было красиво. Цвѣтъ его былъ смуглый; на лбу и на щекахъ проходило нѣсколько складокъ, что дѣлало его старѣе, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, потому-что Соленикъ жилъ хотя не много, но много пережилъ. Открытый, почти плоскій, съ небольшою впадиною по срединѣ, четырехъ-угольный лобъ, показывалъ счастливое развитіе мыслящей способности. Глаза блистали умомъ и живостию. Губы были выпуклы и очерчены рѣзко, отчасти какъ у Арабовъ; нижняя выдавалась нѣсколько отвисло впередъ, какъ бы свидѣтельствуя о гордости и энергіи артиста. Всѣ прочія части лица и вообще головы были на своемъ мѣстѣ (что случается такъ рѣдко) и въ совершенной гармоніи между собою. Довольно длинные, мягкіе темнаго цвѣта волосы зачесывались на затылокъ. Физиономія Соленика, внѣ сцены, была по большей части серьезна и задумчива. Одѣвался онъ часто щеголевато и всегда со вкусомъ. Когда онъ говорилъ, гдѣ бы то ни было: на сценѣ, въ гостяхъ, дома — рассказъ его лился быстрымъ, живымъ потокомъ, жесты были одушевлены и выразительны, голосъ, до-

(1) Жена его на этотъ разъ была въ Тулѣ и не знала о болѣзни мужа.

вольно немзыкальный самъ по себѣ, дѣлался пріятнымъ отъ ума и чувства, которыми былъ полонъ.

»Кажется, мы и теперь видимъ его — не говоря о сценѣ, какъ онъ въ своемъ гороховомъ пальто и круглой черной шляпѣ, мѣрно, съ серьезнымъ, задумчивымъ лицомъ, выступаетъ, опираясь на свою оригинальную трость... къ подобнымъ тростямъ была у него страсть; въ одномъ изъ угловъ его квартиры стояла довольно большая коллекція самыхъ странныхъ, чуть ли не историческихъ, тростей, съ разнообразными, диковинными набалдашниками.»

Остается опредѣлить амплу Соленика... Онъ былъ *комическій актеръ* въ обширнѣйшемъ значеніи этого слова. Но какихъ ролей не достается играть провинціальному актеру? И Соленикъ игралъ всякаго рода роли. (Да вѣдь и Мартыновъ дебютировалъ въ «Филаткѣ и Мирошкѣ!») Перечислять ихъ было бы излишне. Смѣло можно утверждать, что ни въ одной изъ нихъ онъ не былъ ниже своей роли, во многихъ же возвышалъ значеніе ролей. Назовемъ только роли Соленика изъ пьесъ, составляющихъ постоянное украшеніе нашей сцены, то есть Грибоѣдова и Гоголя; въ «Горѣ отъ Ума» игралъ онъ *Фамусова* и *Репетилова*, въ «Ревизорѣ» — *Хлестакова* и *Бобчинскаго*, въ «Женидѣѣ» — *Кочкарева*. Кто видѣлъ его въ этихъ роляхъ, тотъ помнитъ исполненіе ихъ этимъ артистомъ; кто же не видалъ, тому никакія объясненія не дадутъ понятія... ⁽¹⁾ Но истинно неподражаемымъ, несравненнымъ, незабвеннымъ былъ и пребудетъ Соленикъ какъ *актеръ украинскій*, въ украинскихъ пьесахъ Котляревскаго и Квитки; кто изъ насъ, жителей Украины, могъ равнодушно видѣть Соленика въ роляхъ — *Макогоненка* («Наталка Пол-

⁽¹⁾ Гоголь зналъ нашего артиста только по слухамъ, но каковы были слухи о немъ, показываютъ слѣдующія строки изъ письма Гоголя къ одному своему знакомому (Н. Д. Бѣлозерскому), писаннаго изъ Петербурга 1836 г., за три мѣсяца до перваго представленія «Ревизора»:

»Собираюсь ставить на здѣшній театръ комедію. Пожелайте, дабы была удовлетворительнѣе сыграна, что, какъ вы сами знаете, нѣсколько трудно при нашихъ актерахъ. Да кстати: есть въ одной кочующей труппѣ Штейна, подъ дирекцію Мютковскаго, одинъ актеръ, по имени Соленикъ. Не имѣете ли вы какихъ нибудь о немъ извѣстій? — и если вамъ случится встрѣтить его гдѣ нибудь, нельзя ли какъ нибудь уговорить его сюда. Скажите, что мы все будемъ стараться о немъ. Данилевскій видѣлъ его въ Лубнахъ и былъ въ восхищеніи. *Рѣшительно комическій талантъ*. Если же вамъ не удастся видѣть его, то можетъ быть вы получите какое нибудь извѣстіе о мѣстѣ пребыванія его и — куда адресовать къ нему....»

(Сочиненія и письма Н. В. Гоголя. Изданіе Н. А. Кулиша (1855. Т. V, стр. 252).

тавка»), *Чупруна* («Москаль Чарівник»), *Стецька* («Сватання на Гончарівці»), *Шельменка* (въ обоихъ пьесахъ этого названія)? Надо замѣтить здѣсь, — и конечно согласится всѣ, видѣвшіе въ этихъ роляхъ не одного, а нѣсколькихъ малороссійскихъ актеровъ, — что каждый изъ нихъ исполнялъ эти роли *по-своему*: въ игрѣ каждого изъ нихъ болѣе или менѣе выражались *отдѣльныя* черты національнаго характера; но въ игрѣ Соленика *всѣ* эти черты соединялись, какъ въ фокусѣ, и образовали полный законченный типъ истиннаго Украинца.... Рѣзко отличался онъ отъ другихъ тѣмъ, что личность Украинца, по его игрѣ, выходила не простакою, вялою и наивною до глупости, а полною внутренней жизни и смысла, хотя иногда и скрывающею свой умъ подъ маской простоты. Такое воззрѣніе доказываетъ наблюдательность и вѣрное чутье Соленика. Въ этомъ отношеніи онъ точно первый украинскій актеръ... дай Богъ, чтобъ и не послѣдній!... ⁽¹⁾

Въ заключеніе, весьма кетати здѣсь слово о народномъ украинскомъ театрѣ. — Если у насъ въ Южной Руси и прежде, когда писать литературно на народномъ языкѣ было лишь попыткой весьма не многихъ любителей родной рѣчи, а изслѣдованія мѣстной старины составляли исключительную принадлежность знатоковъ-спеціалистовъ, и болѣею частію скрывались подъ спудомъ, — украинскія пьесы возбуждали всегда искреннее сочувствіе и образованной публики и простолюдиновъ, даже не интересующихся сценическими представленіями; то теперь, когда южнорусская словесность оживляется, когда начинаютъ заботиться о томъ, чтобъ дать простому народу въ Южной Руси понятное для него чтеніе, когда возникаетъ періодическое изданіе, какъ всесторонній органъ южнорусской жизни, — «Украинскій» театръ былъ бы какъ нельзя болѣе кетати. Подъ названіемъ Украинскаго театра мы разумѣемъ какъ пьесы на украинскомъ языкѣ и изъ украинскаго быта, такъ и исполненіе ихъ артистами, взлелѣянными на мѣстной почвѣ, знакомыми съ языкомъ и нравами народа и, можетъ быть, даже вышедшими изъ среды этого народа, какъ, напримѣръ, знаменитый артистъ, котораго называть нѣтъ надобности, потому что его всѣ знаютъ. — Такой театръ былъ бы самымъ лучшимъ подспорьемъ литературѣ южнорусской и самой благотворной школой для народа. Разумѣется, и успѣхъ и польза этой идеи условливаются разумнымъ и искреннимъ ея осуществленіемъ;

(1) Изъ современныхъ актеровъ къ этому идеалу малороссійскаго актера ближе всѣхъ артистъ Харьковскаго театра г. Дрейсихъ.

если же сюда замѣшается афера и спекуляція, — дѣло испортится въ началѣ и можетъ надолго остановиться, между тѣмъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что дѣло пойдетъ хорошо, если за него возьмутся люди умѣлые и благомыслящіе; съ возникшей же потребностію народнаго театра, явятся къ удовлетворенію ея и народные драматическіе писатели. Духъ народный, однажды возбужденный, развивается быстро. Въ духѣ нашего народа есть еще много петронутыхъ струнъ: умѣйте только дотронуться до нихъ кстати и удачно, и онѣ издадутъ созвучія можетъ быть и не предчувствуемыя....

Н. Мизко.

Ноябрь, 1860.
Село Карабиновка.

ЗАМѢТКА

КЪ СТАТЬѢ: »ВОСПОМИНАНІЕ О Н. А. МАРКЕВИЧѢ.«

(Съ портретою.)

Съ большимъ удовольствіемъ прочелъ я, въ 1-мъ № Основы, »Воспоминаніе о Н. А. Маркевичѣ«. Всякій честный дѣятель, подобный Николаю Андреевичу, достоинъ уваженія при жизни и воспоминанія по смерти. Это признательность къ его трудамъ.

Въ »Воспоминаніи« недостаетъ свѣдѣнія о томъ, что Н. А. занимался народной музыкой. Предоставляя другимъ сдѣлать болѣе вѣрный разборъ и болѣе точную оцѣнку трудамъ его въ этомъ отношеніи, ограничусь только нѣкоторыми замѣчаніями. Еще въ 30-хъ годахъ Н. А. издалъ голоса 25-ти пѣсень, и нотныя доски для этого изданія, вѣроятно, еще и теперь хранятся въ его семействѣ. Я видѣлъ ихъ въ 1856 году цѣлыми. Замѣчая желаніе общества знакомиться съ народностью, и самъ чувствуя прелесть народныхъ пѣсень, Н. А. приготовилъ также къ изданію сборникъ пѣсень въ нотахъ, состоящій изъ 150 пѣсень, одной думы »Савва Чѣлий«, »Вертепа« съ аккомпаниментомъ изъ 8-ми нумеровъ, 5-ти свадебныхъ пѣсень и 14 коровайныхъ. Оцѣнить этотъ трудъ по-справедливости — мы не можемъ; мы слишкомъ близки къ Н. А. и слишкомъ сильно ощущаемъ на себѣ давленіе современнаго требованія этнографической дагеротипной вѣрности въ передачѣ всего народнаго. Всѣ требуютъ изображенія народа, какъ въ камер-обскурѣ. Всѣ мы, любители пѣсень, собиратели сказаній и обрядовъ, возмутимся, увидавъ, напримѣръ, пѣсесу изъ народной жизни, передающую жизнь не точь-въ-точь такъ, какъ мы ее себѣ представляли; мы будемъ досадовать, услыхавъ варіаціи на пѣсню, или оперу съ народнымъ сюжетомъ, но наполненную пѣснями и хорами, не слышанными нами въ народѣ. Отъ такой оперы многіе придутъ въ недоумѣніе, многіе начнутъ шикать, а

нѣкоторые придуть въ восторгъ. Кромѣ вѣрности въ передачѣ пѣсни по нотамъ и полунотамъ, для насъ нужна еще передача той, весьма тонкой, почти неуловимой, жизни въ пѣсни, которая и составляетъ другую часть ея: это — чувство народное той пѣсни, ея смыслъ, ощущение ея зарожденія, ея ароматъ, — какъ запахъ цвѣтка. Можно спѣть прелестно, передавая всѣ оттѣнки чувства и смысла, но при этомъ упустить ноту, двѣ и болѣе, измѣнить противу обыкновеннаго пѣнья, дѣлая все это безсознательно, но подъ увлеченіемъ той силы, и того чувства, которыя заключаются въ передаваемой пѣснѣ; можно также спѣть пѣсню вѣрно, дагерротипно-вѣрно, но и дагерротипно-безжизненно. Спрашивается — какая изъ этихъ двухъ пѣсень лучше спѣта? Мы не даемъ предпочтенія ни той, ни другой: — та и другая для насъ одинаково полезны, одинаково цѣнны. Н. А. понималъ духъ украинской музыки, и бывши самъ музыкантомъ и поэтомъ въ жизни, т. е. увлекающимся, онъ могъ иногда, пожалуй, внести въ пѣсню складъ иноземный, одежду иноземную, но многія пѣсни сохранены имъ чрезвычайно вѣрно; это мы говоримъ, ссылаясь на современное и намъ еще пѣнье и на авторитетъ старыхъ людей. Многому мы вѣримъ по духу пѣсни, а многое и выкидываемъ, по мѣрѣ силъ нашего пониманія, но всегда отдадимъ благодарность Н. А. за трудъ, и будемъ любоваться этой личностью, какъ личностью самобытною, чистою и поэтической. Упомянутый нами *Сборникъ* Н. А., къ сожалѣнію, еще не изданъ. Онъ ходилъ по рукамъ, и вотъ уже четыре года лежитъ въ забытіи — у меня. Мнѣ кажется, что это матеріалъ — для народного музыканта — богатый.

И такъ, смотря на этого человѣка, при его жизни, съ уваженіемъ — за его самобытную личность, о которую разбивались мелкость общественнаго взгляда и инквизиціонныя требованія условій; уважая его за постоянный его трудъ, за ознакомленіе многихъ и многихъ съ народною жизнью, за его нѣсколько чистосердечныхъ слезъ о судьбѣ народа; за то, что онъ служилъ для многихъ какъ бы притягательною силой къ народу, — мы воздаемъ ему благодарность и по его смерти. Какой бы ни состоялся, со-временемъ, приговоръ надъ трудами Н. А., но каждый, какъ и мы теперь, *будетъ обязанъ* напомнить обществу о Н. А., какъ о человѣкѣ трудолюбивомъ, любившемъ народъ, къ которому онъ принадлежалъ, понимавшемъ народность и сочувствовавшемъ всему, всему прекрасному.

Еще слѣдуетъ прибавить къ воспоминанію о его дѣятельности — » опи-

саніе г. Чернигова», и то, что онъ на 60-мъ году жизни и страдая уже предсмертною болѣзнію — изучалъ италіанскій языкъ.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ Н. А. въ Венеціи. И тамъ онъ былъ вѣренъ себѣ. Проходя черезъ площадь св. Марка, я увидѣлъ его въ бараньей шапкѣ, въ шубѣ и съ вѣчной его *люлькой* въ зубахъ, которая бывала съ нимъ неразлучно и въ дорогѣ, — когда онъ чуть не взлетѣлъ на воздухъ вмѣстѣ съ кибиткой, въ которой везъ порохъ, и велѣлъ обливаться водою среди зимы, — и въ карманѣ фрака на балѣ. Въ послѣднюю нашу встрѣчу онъ уже былъ очень слабъ, и стоялъ прислонившись къ одной изъ арокъ, любуясь на красивые разиѣры площади, на соборъ св. Марка, на начинающійся карнавалъ, — вспоминалъ исторію Венеціи и глядѣлъ съ добродушіемъ и грустью на веселившихся съ тоски Италіянцевъ, которыхъ онъ любилъ и свободѣ которыхъ горячо сочувствовалъ.

Л. ЖЕМЧУЖНИКОВЪ.

СЪ ДОРОГИ.

Желаніе ваше я исполняю, — пишу свои дорожныя впечатлѣнія, не забываясь, будутъ ли они для васъ любопытны.

Не доѣзжая до Нѣжина верстѣ двадцати, мы остановились возлѣ *шўриш* (¹), чтобы дать конямъ *одсонѣсь*, какъ выражался нашъ кучеръ. Я со спутницей вошла въ хату. Рѣдко можно встрѣтить такую безпріютную, безотрадную, мрачную хату. Окна въ ней были большіе, но загрязненные и заклеенные бумагой; свѣтъ съ трудомъ проникалъ въ это еврейское обиталище. Въ хатѣ два стола, два дивана, а пріюта нѣтъ; все неопрятно, грязно, положить ничего не хочется, и что ступишь, то и споткнешься: земля выбита подъ ногами, — видно, что давно уже полъ не смазывался глиной. На одномъ столѣ — *чугунъ* навареной *тарані* и нѣсколько бутылокъ — безъ-сомнѣнія, разведенной — водки; а возлѣ другого стола стоитъ жидъ съ подозрительнымъ выраженіемъ лица, смотреть изъ-подлобья, маленькаго роста, съ потонувшей между широкими плечъ головой, — шею у него почти нѣтъ. Рядомъ съ нимъ стояла женщина — наша землячка, лѣтъ около сорока, очень пріятной наружности, съ *кѣшикомъ*, наполненнымъ двумя *мѣчиками* молока и теплыми еще *паланицями*. Послѣ перваго привѣтствія, мы спросили, гдѣ намъ можно отдохнуть, — такъ-какъ и на другой половинѣ сѣней была еще хата. Пока жидъ надумался отвѣтить, землячка наша бойко и рѣшительно сказала: »Сюдѣ, сюдѣ пожалуйте одпочѣть.«

Мы обрадовались землячкѣ и стали торговать у ней паланиці.

»Добре, возмѣть за пять шагѣвъ, — ось якá мьякá и лѣгка, якъ пухъ«, — говорила она, постукивая кулакомъ подъ низъ паланиці.

(¹) Такъ называется одинъ заѣзжій дворъ.

Въ это время жидовка выскочила опрометью изъ сосѣдней хати.

— «Не смієсь ти імъ продавать, ти до мене принесла, — такъ мені и продавай. Я сама куплю, а вони тоді у мене кúпляютъ.»

— Я свое дóбре усюди смію продавать, да ти мені стíлки й не заплáтишь; — ну, давай по вісімъ шагівъ за молоко и по шість за паляниці.

»Спо ти, зъ глúзду зсúнулась? вони зъ у тебе вчорáсні.«

— А, щобъ тобі такъ лéгко жить, якъ вони вчорáшні.

»Бери по пять сагівъ, бiльсь нiхтó-зъ не дасть.«

— Да мені пані бiльшъ дадúть.

»Пані не-знáть-якихъ паляниць iсти не бúдуть. Я поцáла торговáть, мені и продава́й, а другому въ мо́й корцi не смій. Ми скiльки за корцмú плáтимо!«

— Давай по вісімъ; такъ мені и пані да́ють за молоко.

»Нi, бери по сiмъ; я-зъ даю дóбре, — чо́го-зъ тобі сце? якъ-би сé-гóдняси! (бросая): да вазкi, якъ кáмень!«

— Оцé-то, кáжуть: говори́ла покiйница до сáмоi смéрти, да все чор'зна щó. Чо́го бъ се я тобі по сiмъ далá? щó ти мені? Колибъ оцé сiна зáвтра не виража́ть, да на чвэ́ртку не трéба, я бъ до тебе вiкъ не заглянула, кáтаржний рiдъ.

»Ну, оддаёсь по сiмъ съ половиною?«

— Ну, бери! (А къ намъ обращается и говоритъ:) Ви iй ужé по шажкú переки́нете — вона вамъ и оддасть: а паляничку однú-такi у мене вiзьмете: вона всiхъ не берé.

— »Дай же намъ, еврёйко, и глéчикъ молока... щó тобі за ёго?

»Якъ не дастé пятнадцати копiёкъ сребромъ, дакъ и не 'ддамъ.

Землячка наша перекрестилась отъ ужаса. — *»У погáному видú— нема́ стидú... А, проклáтий рiдъ, щобъ ти ви́дрочивсь! У-дво́е хочешъ! ишь дзóга якá! Щобъ ви не дiждáли по свiту ходiть, людей грабовáть. Жидъ брехнiю живе́; все зъ насъ тiяне. Се, кáжуть, насъ Мати Бó-жа проклáла, а iхъ благослови́ла. Уродiла вона Христа́, да iй послалá за жiнками; усi за робóтою, нiколи йти: хто прядé, хто за веретáтью, усi за дiломъ. Вона iй проклáла: щобъ ви до вiку, кáже, робили — не наробiлися, — все рiвно, якъ кiнь, щобъ iвъ—не наiвсeя, щобъ iмъ и вгá-ву не бу́ло! А послáла до жидiвъ, — вони такъ и поприбiгáли... Ми рóбимо, ми жнемó, ми въ колóмазi, — а вони, не робивши, вихорóшуютця; старé дрiпло — и тé шúбу якú напiрять, да iй нáми повертáе.*

Жидовка близко подступаєть: »Хибá-зъ ми не рóбимо, хибá зъ ми не рóбимо?«

— У!! чмарóю тáкъ и лiзе!

Молчанiє... Намъ принесли изъ экапажа жаркое, масло; мы начали ѣсть.

— Хлiбъ-сiль iжъ, а правду рiжъ, сказала землячка.

Между тiмъ, жидовка заплатила ей деньги.

— Оцé жъ менi порá вже йти до-дóму.

»Да посéдь«, говорю я: »щé трóшки погoмонiшъ изъ нáми.

Она сiла подлѣ насъ.

— Куди жъ оцé васъ Богъ несé?

»У Нiженъ. А ти дé живéшь?«

— А тутъ, недалéчко.

»Якъ-бi намъ тебé знайти, ми бъ до тебé въ гóстi завітáли.«

— Тiльки попитайте Гáльку—и малá дитiна покаже: переiдите мiс-токъ да садóкъ, а тамъ великi новi ворóта:—отó й я. Оцé й менi зáвтра трéба бóде на базáръ.

»Приiзджáй, да коли бъ рáно до-дóму, щoбъ ми тебé застáли.«

— Я ще два рáзи звернiсь, пóки ви приiдите. Да щó! хочъ менé й не бóде, дакъ моя невiстка...

»Нi, ми тебé хóчемо бáчить у гoспóдi.«

— Моя невiстка хорóша, — вoнá васъ за гoстéй пошануе. Я ii удо-вою брáла; тáмъ дiточкi! якъ блáгорóднихъ дéржить. Оцé чи дасi щó, чи попрóсить чoгó, то зáразъ и цiлуе... Ви — куди? въ гóстi?

»Въ гóстi.«

— Ну, изъ гoстéй не скоро вiрветесь: *iсть* — *невiльникъ*. Я по-одавáла своiхъ дóчокъ въ однó село. Не лóбно въ однó село oдавáть: тó бъ туди въ гóстi пiшóвъ, а то бъ туди; атó въ oднóму селi, та ще жи-вóтъ oднá протi дрýгоi. Прийдешъ, зáразъ и збiжйтця въ oдинъ двiръ; ужé трéттю туди не oддáмъ. — Порá менi до-дóму... Приiздiть же зáвтра.

»Не йди ще, будь лáскова,—погoмонi ще гoдину. Тáкъ у мéне зóби болять! ти якъ гoмонiшъ, то, мовъ, замoвлéешь.«

— Ви бъ у Прoхoрi поiхали: тамъ дiдъ замoвлéе; атó такъ усю стiну й вiкрутитъ, да й зновъ бóде зачинáтьця. У мoгó старóго тáкъ бо-лило, щo й Бóже! не схотiвъ пiйти; а я скiльки паляницъ, скiльки усячи-ни переносiла: тепérъ у мéне й не болять.

Жидъ во все время нашей бесiды стоялъ возлѣ печки и всмáтри-

вался въ меня такъ подозрительно и пристально, что взглядъ его раздражалъ мою зубную боль, и я перестала на другое мѣсто.

«Галько, посидь же щѣ коло мене, да розкажи мені що-небудь, щобъ не такъ зѣби допикали. У тебе ще есть дѣтки?»

— Есть же, одна на порі, а друга у школу ходить... Пора, прощайте! Заїздить же. Хай Богъ вамъ спорить у дорозі.

На обратномъ пути мы спросили на селѣ Гальку и намъ указали ея домъ, прибавивъ: «нові великі ворѣта.» Въѣхали мы на дворъ, обыкновенный и — грязный по случаю дурной погоды. Къ намъ выбѣжала дочка, пятнадцати лѣтъ: ничего нѣтъ похожего на мать.

«А мати дома?»

— Дома.

Мы и не сомнѣвались въ этомъ: слова Гальки оправдались, мы думали быть къ ней въ понедѣльникъ, а пріѣхали во вторникъ. Вошли мы въ хату. Тутъ-то начались привѣтствія Гальки и ея невѣстки. Хата у нихъ большая; въ углу, у дверей висѣла люлька съ двухлѣтнимъ ребенкомъ; между большимъ столомъ и лавкою, на полу, сидѣло какое-то странное растрепанное существо и пряло; лавки липовыя широкія, почти въ три четверти ширины; за свѣлокомъ множество чернобривцевъ. Невѣстка — женщина очень хорошая и тихая.

— Ми думали, що ви вже до насъ, харпаківъ, и не заїдете, — сказала невѣстка.

«А я васъ вчѣра ждала», подхватила Галька: «и на базаръ не поїхала; я ще такихъ панівъ и не бачила; тутъ одинъ проїздивъ, дакъ и въ хату не зайшовъ, поки й коней випасъ, — усѣ сидівъ на призьбі.»

— Сидте жъ, — сказала Галька, обратясь къ намъ. — Евдѣхо (невѣстка)! покрій настільничкомъ стілъ. Галю, унесі дровецъ... А я думала, що ви уже й не будете... бідна жъ мой голівонько! Я вчѣра вамъ кѣрицю зажарила, другу залила.

«Да нетрѣба, спасибі тобі; ми приїхали, щобъ погѣторить, щобъ послухать твої ласкавої речі, а не съ тимъ, щобъ що поїсти: тѣ ще вѣсьмѣ.»

— А то жъ кажутъ: не красна хата углами, а красна пирогами.

«А добра ричъ всѣго краще.»

— Вонѣ такі й правда. Иноді недѣбре слово пада важче каміня.

«У насъ усѣ есть, — чи не можна людемъ страви приставить: ми купили мѣса и картѣпли у Ніжені, да спізнїлись — дакъ и не варили.»

— Да на що?! ми кѣрицю заріжемо.

«Ні, ні, ми зъ свого.»

— Такъ и нехай же ваша річъ на-пéреді.

Съ этимъ ушла. Невѣстка и дочка начали чистить, перемывать, варить. Внесли бублики и разныя разности: діти были въ восторгѣ и за все давали чоломъ и низко кланялись, стуча лбомъ объ столъ, потому что обое стояли на лавкѣ възлѣ стола. Вошла Галька.

»Дай же, будь ласкова, нашимъ конямъ сіна.«

— Ідять уже.

»А чоловіку колибъ погрітьця де?«

— Да вінъ у затишку, якъ у раі; тамъ и наші молотять... Оце жъ досадно: Оленка не побачить васъ. А то вчора трішки и въ школу спізнилась — дожидалася васъ... А, сучий хлонець! покотівъ бублик — кітъ ухопить!« погрозила она внуку, и подала ему бублик; тотъ поцѣловалъ ее въ обѣ щеки: описать нельзя торжествующаго взгляда, какимъ Галька въ это время подарила меня.

Столъ накрытъ; въ печі топится; Галька подала намъ сметану, масла и заливную курицу; черезъ нѣсколько минутъ были готовы и варенныя яйцы. Послѣ всего, Галька поднесла намъ *насіня*.

»Спасибі тобі, Галько, що ти насъ за гостей маєшь.«

— Господеві дякуйте. Вибачайте на сей часъ: не ждали, — да сегодні усѣ й поїли, що вчора для васъ наготівили.

Съ нами были привезенные изъ Кіева крестики, образки: мы роздали всѣмъ имъ.

— Се ви, видно, недавно були въ Кієві? и я, було, хожу що-гόδую. Уперше якъ увійшла... що за гóродъ Ніжень, такъ мое поштеніє, а ввійшла въ Козелець — такъ и въ бокъ; а якъ у Кієвъ, такъ и поготовъ!.. Усюди виходили. — Оце ви собі самі и іздите? а дітки есть? А батюшка, матушка?

Я отвѣтила на всѣ вопросы.

— Оце жъ того ви усѣ й іздите, що у васъ дітокъ нема; а у кого есть дітки, то того й не заманишь и до матері часто іздити. »Часъ вамъ добрий«, думає: »живіть собі, а я буду собі зъ діточками.«

— Дітки мої, пташки,
Ви жъ мені не важкі,
Ви въ зеленому садѣ
Щебечете до ладѣ.

А у кого нема дітей, той такъ изъ домівки й рвѣтця.

И Галька запѣла:

— Чогó мені журітися,
 Чи у мене маліі діти?
 Ой вийду я да за ворітечка
 Свого милого гледіти.
 Ажé мій милий, голубонько сізий,
 Да й на воронімъ коні іде, —
 На воронóму да коніченьку
 У голубóму да жупані.
 »Чолóмъ, чолóмъ, мой мила,
 А чолóмъ, мой пáні!«
 — На щó мені да чолóмъ даєшь?
 Счаслівая тобі доріженька,
 Куді думаєшь-гадаєшь!
 Якъ думаєшь у доріженьку —
 Да поможи тобі, Бóже;
 Якъ думаєшь та до іншої,
 То покарай тебе, Бóже! —

»А ну ще сю заспівай, будь ласкова, — якá жъ гáрна пісня!«
 Вдругъ Галька измѣнила голосъ, вираженіе лица и заплѣла:

— Бувъ собі журавель да журавочка,
 Наносили сінці півні йсельця...
 Уся довга да хороша — нумъ пзнóвъ зъ кінця...

И начала прихлопывать въ ладоши, и снова заплѣла ту же самую пѣсню: Бувъ собі журавель да журавочка...

— Оцé, якъ у васъ, що й не пьють; покúшали, — не пьéте и не гомонитé... А у насъ, оцé, якъ-би чвэртчку, до й пісэнь би дóсі спі-вáли, и гóминъ такий би підияли бъ.

»Ми не пьемó, а за чвэртчкою послáть трéба, бо кúчеръ нашъ из-мэрзъ.«

— Чи не я жъ оцé приговорілась?

»Ні, ми бъ и безъ того послáли.«

— Біжі, дóчко.

Водка принесена; я начала потчивать.

— А ви жъ не кúшаєте?

»Ні.«

— Цáрство жъ небéсне, вéчний покой вáшому бáтюсьці и вáшій мáтусьці, а вамъ посилáй Богъ дóбрее здоровье. — Галька глотнула изъ рюмки и заплѣла:

— И сёгóдні сóнечко,
 И зáвтра опьáтъ бóде.
 Ой, якъ умрэ мой мáтінка,
 Якъ умрэ мой рідная —

И до віку не буде!
 Моя матінко,
 Мій дорогий крештало!
 Де тебе віховати
 Зь зімі да на літечко?...

»Допивай, Галько.«

— Да боюсь, щобъ не впитьця.

Еще разъ глотнула и возвращаетъ мнѣ рюмку.

»Ну бо, допивай, ато буде чоловіча ворка гнатьця.«

— Ну, будьмо жъ здорові.« Галька допила и еще выплеснула въ потолокъ, — приговаривая: оттакъ наші вибрикуйте!

— Ой випила, віхпила —
 Самá себе похвалила,
 Бо я доброго роду,
 Пью горілочку, якъ воду...

— Оце то, кажуть: *принеси, Боже, здалека родину, то ми и въ будень зробимо неділю.*

Другую рюмку я предложила невѣсткѣ, потомъ дочкѣ, а потомъ поднесла странному существу, правшему въ-тихомолку. — »Да ні, я чужа, я не хочу,« сказала эта женщина: — »я чужа, я чужа«, и закрылась рукой.

»Дакъ що жъ, що ти не семьянинъ, а все такі ти не чужа: ти мой землячка. Випий!«

— Ні, я чужа, — отвѣчала она, и не випила.

Мнѣ объяснили, что она никогда не пьетъ, что она сиротою осталась маленькою; все достояніе ея — огородъ. Галька и взяла ее къ себѣ. Это бѣдное существо не хочетъ одѣваться: хорошее платье снимаетъ съ себя и ходитъ въ рубищахъ. Иногда она разсердится на своихъ и кричитъ: я васъ усіхъ на Сібіръ позасилаю: стройте мині хату на моєму огороді.

»Галько, сядь же коло насъ да поговоримо, ато намъ часъ до двора. Галька запѣла:

А вже вѣчоръ вечоріе,
 Да порá мені до-дѣмоньку:
 Ой е въ мене воркунъ дома,
 Пробѣ мені та головоньку.
 »Ой, воркуне да воркуночку,
 Не бий мене да въ головочку!
 Мене жъ мати згодувала,
 Въ головоньку да не рбивала;

Менѣ мати да годовала
Да ще й жаловала...
Довелось хазийну
Мнѡю рѣки да потерати.
»Ой потирай, да потирачу,
Коли тобѣ та довелось,
А я буду коритися,
Коли менѣ горе нязось!...

»Галько, розкажи менѣ, якъ ти замѣжъ ишла, — чи молодѡю, чи люблячись брались, — якъ тобѣ зъ-замолоду гулялося, чи є чимъ згадовать дівованнечко?

Глаза у Гальки заблестѣли очень весело, и она начала:

— Якъ я гуляла на вечорницяхъ, дакъ нехай и Богъ милує! и кінця не буде, якъ усе розказовать. Якъ не прийдешь було на вечорниці — ніколи (а у насъ такѣ було житло, що ані въ рѣки, убожество) — то щѡ було хлопці роблять?!... У-ночі ворѡта зъ пятниківъ издѣймуць да й занесуть. Встане мати, да й не знає, на вищо воно такъ изроблено; а я й притаюсь. Абѡ, оцѣ, спизнюсь ити на вечорниці, абѡ відтіль, то у-ночі ужѣ ворѡта и вліпять грязюкою. Хлопці люблять, щѡбъ було шито й крито, що бѣ не знали, коли йдешъ, коли вертаєся! Я було росѣржусь чогѡ, да й не підѣ, абѡ й мати такі не пустить, бо підешъ, часъ собѣ згаєшь и нічого не зробишь; дакъ щѡ разъ, прокляті, зробили? Я щось три дні не ходила, — узняли да въ-ночі викопали соху коло колодезя, да й перевернули звідъ на улицю. Встала я вранці по воду, до колодезя — и тягті вічимъ; тутъ и дівчата сусідські и молодіці позбѣгались зъ коромислами: соху перевернута и викопана зновъ, якъ и була. »Оцѣ, вірно«, кажуть молодіці, »ти, Галько, не вгодила чимъ хлопцямъ.«

— Не довге моє дівованнечко було!... Я молоденькою прихорѡшенька була! шіснадцять лѣтъ менѣ було, якъ до мене приєвѣтавъ немолдїй ужѣ удовецъ, да ще трѡхи и ногѡ одна корѡчка; я не хотѣла йти, а мати каже: »а йди, дѡню: вінъ хорѡший чоловікъ, и сѣ цѣрвою жінкою такъ хорѡше живъ, и багатїй — хазийкою будешъ, — вінъ тебѣ жалуватиме, якъ дитину. — Я й згодилась. — Отъ менѣ й нічого, поки дѡма сидѣла, а якъ винчѡтьця прийшлось, — менѣ такъ стѣдно мѣжъ людѣ йти зъ старимъ та зъ кривимъ. Стали на винецъ, менѣ такъ стѣдно, що я й свѣту Бѡжого не бачу. — Повинчѡвъ пїшъ да й каже: »цѣлуйтєся!« — А чоловікъ мїй поклонивсь та й каже: »нехай ужѣ, бѡтѡшка, до зѡвтрѣго«; дакъ бѡтѡшка рѡстопиривъ рѣки: »ну, якъ хочє«, каже. Зъ сѣмъ и зъ цѣркви вийшли.

— А спасібу Богу, пожила зъ старімъ, хочъ и не нагулялась: не оглédілась, якъ и бабою зробилась.... Стáрошей мáтеринихъ доглédіла и рýки їй зложила, — тутъ у на́шій хáті и преста́вилась, ца́рство їй небесне! Благодарéние Господу, тепе́рь не наріка́ючи живý, — усе́го у мене вдоволь, ато́, мо́же, пришло́сь би уголькáми на тімъ світі росплáчуватьця, що попрогу́лювала бъ на вечорні́цахъ.... Було́, що пона́шікаємъ паляни́ць, намішовани́ківъ!... А побра́лись — що́ було́ я попону́жýся, по́кв не пішли діти! Було́, чолові́к картáе мене́, картáе, а у мене́ такъ и прётця́ се́рце до дівча́ть (я-такі́ співу́ча змоло́ду була́)! Худоба́ за плечі́ма, ледáщо передъ очі́ма, — та́кий вінъ мені́ тоді́ зда́вся нечу́ма́зний! — а тепе́рь вінъ мені́ якъ о́рель!

Въ это время брякнула дверь и вошла дѣвочка, похожая на молоденького гуся, — въ бѣлой юпкѣ и съ краснымъ намороженнымъ носомъ з такими же руками.

— Ось и на́ша шко́лярка! — вскрикнула Галька.

Изъ сосѣдней хаты выглянуло не безъ удовольствія четыре головы — старшая дочь и невѣстка, державшая обоихъ дѣтей на рукахъ.

— Здра́стуй, Олѣ́нко! Отъ пани́ тїі, що́ ти хоті́ла ба́чить, — сказала Галька. — Давáй панáмъ чолóмъ! Ну, що́ жъ ти сѣ́годні́ учі́ла, роскажі́ мені́.

»Азъ, б́уки, віди....«

— Га́рно, га́рно! лю́ба! — Вона́ оцѣ́ и прї́сти не хóче, — усе́́ учі́тця, — обрaтилась къ намъ Галька.

Я обѣщала ученицъ передать при случаѣ книжку съ картинками; и вотъ — начались благодарности. Между тѣмъ, пора было ѣхать, мы стали собираться въ дорогу.

»Скільки́ жъ то́бі́ слі́дує, Га́лько, за сі́но и за угощ́еніє?

— Ні́чо́го.

»Ні́, не мо́жна та́къ, — трéба сказа́ть.«

— Ні́чо́го ми́ні, ні́чо́го, — а синъ́, якъ зна́є — за сі́но.

Передъ этимъ за нѣсколько минутъ и сынъ пришелъ. Спрашиваю у него, — что́ за сѣ́но? — Ні́чо́го.

»Ти́ жъ ё́го косі́въ, по́равъ.«

— Та́къ-що́? хибá багáто зсі́ли ко́ні?

»Ну, до́бре жъ: за сі́но я сама́ зна́ю, що́ запла́титъ, бо у жи́да пла́тили; а що́ то́бі́ за кло́пнть?

— Ні́чо́го!... Ну, сл́ухайте́ жъ: оцѣ́ бъ́ я ста́ла вамъ продава́ть: що́́ жъ ви тамъ иску́шали? я пода́ла п́ятеро́ яе́ць, дво́е ску́шали — шагъ́ за

вами.... ха-ха-ха-ха!... сметани кришечку.... ха-ха-ха! холодцю.... отъ и три шагѣ....

При этомъ поднялся въ хатѣ всеобщій хохотъ; сдѣлалось смѣшно и намъ, — но мы смѣялись отъ удовольствія, видя передъ собой такіа честныя натуры, радуясь, что никакая жидовѣ своимъ дурнымъ примѣромъ не можетъ заразить ихъ жадностью. Мы, однакожъ, настаивали.

— Ну, коли жъ ужѣ вамъ хочетца, такъ дайте на чвѣрточку, що я, якъ піду її купувати, то що бѣ васъ хибѣ згадала.

Началось прощанье.

— Прощайте! дай, Бѣже, знѣтьця. Якъ приїдете вдрѣге, то й овѣсь бѣде, — не тѣ — сіно.

Галька вынесла паляницю, поцѣловала и подала намъ на дорогу.

— Прощайте, пострѣчай же, Гѣсподи!

А. Нечуй-вѣтеръ.

Октябрь 1860 г.

БЕСѢДЫ

О ЕСТЕСТВОЗНАНІИ НА РУССКОМЪ ЮГѢ.

I.

Я попалъ съ сѣвера въ южнорусскій край, когда только-что начиналъ заниматься наукою естествознанія. Живо помню первыя впечатлѣнія, произведенныя на меня южною природою: на каждомъ шагѣ я встрѣчалъ предметы, поражавшіе меня своею красотою, возбуждавшіе во мнѣ нетерпѣливое любопытство своею особенностью: новыя растенія, новыя животныя и новыя явленія міра физическаго, — всё это было мнѣ незнакомо, недоступно моему пониманію. Въ первый разъ въ жизни я здѣсь увидѣлъ, что хлѣбъ сѣяли, не удобряя земли! Долго старался я допытаться у себя отвѣта на эту загадку — и не могъ; обратился за объясненіемъ къ народу, но узналъ не много: »зачѣмъ и уваживать, когда и безъ того земля, что уголь!« — Я догадался, что этимъ опредѣляется *чернозѣмъ*; но почему для него не чужны удобренія, — чего не достаетъ почвѣ глинистой или песчаной для развитія растенія, — отчего другія полевые растенія растутъ на той же почвѣ, на которой не можетъ расти хлѣбъ? Все это было для меня темно, загадочно. Я былъ въ состояніи челоуѣка, который не обладалъ способностью различать цвѣта, но которому уже помогли освободиться отъ этого недостатка зрѣнія. Въ изумленіи остановился бы онъ передъ новымъ, до-тѣхъ-поръ невѣдомымъ ему, міромъ колеровъ! Сначала они ослѣпили бы его: всё показалось бы ему однимъ пестрымъ узоромъ; только спустя нѣсколько времени, когда его глазъ научился уже различать краски, прозрѣвшій увидалъ бы и деревья, и цвѣты, и животныхъ, однимъ словомъ — природу во всей красѣ единства и разнообразія: въ подобномъ же состояніи былъ и я.... мнѣ открывала глаза наука.

Отчего-же обитатели Южной-Руси выносятъ равнодушно это мучительное состояніе духа — невѣдѣніе?.... Человѣкъ легко свыкается съ окружающими его предметами: что онъ видитъ съ первой минуты своей жизни, то для него не диво! У обитателя Юга, съ перваго дня его существованія, передъ глазами чудная природа, но онъ привыкъ къ ней, — и уже равнодушно смотритъ на то растеніе, которое заботливо лелѣютъ въ садахъ и теплицахъ на сѣверѣ. — Для того, чтобъ южный житель понялъ всю прелесть своей родины, ему слѣдовало бы прокатиться на Сѣверѣ, взглянуть на бѣдныя поля Великороссіи, на луга, покрытые сухою осокою да бѣдными злаками, на болота, заросшія тростникомъ да желтою зеленью болотныхъ растеній; только послѣ такого путешествія онъ сознаетъ свое богатство; и у него подобнымъ-же образомъ пробудятся новые вопросы, и онъ захочетъ ближе познакомиться съ природою своего края.

Не смотря на то, что южный край можно назвать сердцемъ Русскаго міра, что это не ново-созданная Амурская колонія, — мы едва его знаемъ, по какому-то странному равнодушію ко всему близкому, отечественному. — На Амуръ снаряжаютъ ученыя экспедиціи, посылаютъ ученыхъ натуралистовъ въ Италію, въ Испанію, даже въ Алжиръ! у насъ же подъ руками неразработанныя богатства, — а мы все стремимся туда, гдѣ тысячи головъ, головъ умныхъ, дѣятельныхъ, искусныхъ, трудятся на томъ самомъ поприщѣ, на которое и насъ тянетъ... И какъ мало приносятъ пользы эти далѣкія путешествія! чуть не всё дѣло ограничивается нѣсколькими, давно извѣстными предметами, да двумя-тремя письмами, присланными изъ-заграницы въ какой нибудь журналъ... и какъ, большею частью, однообразны эти письма! Напротивъ, замѣните эти экспедиціи дѣльными путешествіями на Русскій югъ, и, навѣрное, они скоро принесли бы существенную пользу; матеріаловъ тамъ хватило бы не на одинъ десятокъ жизней; мы наконецъ познакомились бы съ человѣкомъ и природою Юга, съ чудными ихъ богатствами... — а подобныя изслѣдованія, безъ сомнѣнія, открыли бы невѣдомыя стороны жизни, — дали бы бытіе новымъ отраслямъ народнаго богатства....

Что же можно сдѣлать теперь, для распространенія естествознанія на Югѣ? Не могутъ ли содѣйствовать изученію края и не-спеціалисты? Въ какое положеніе должно стать при этомъ южно-русское общество? Вотъ вопросы, которымъ мы намѣрены посвятить настоящую статью — статью далеко не ученую, написанную не для специалистовъ, а просто — для любителей: поэтому мы войдемъ въ подробности, кото-

рыя, для людей близко знакомых съ наукою, были бы лишними. Наша цѣль — чисто-практическая: показать важность естествовѣдѣнія и способы для занятій естественными науками на югѣ.

Что нужно для изученія природы? Между многими, даже образованными людьми распространено ложное понятіе, что, при изученіи естественныхъ наукъ, необходимы цѣнные кабинеты, недоступные средствамъ большинства частныхъ лицъ, — мнѣніе ложное — на югѣ болѣе, чѣмъ гдѣ либо. Изучайте природу по ней самой, составляйте сами травники и коллекціи другихъ естественныхъ предметовъ; посвятите этому занятію часы досуга, минуты прогулокъ, — вы и безъ кабинетовъ узнаете многое.

Какъ же изучать природу, какъ учиться естествознанію — безъ учителя? гдѣ найти учителя — не сухаго педанта, нетеоретика, а живого любителя природы? Какъ приступить къ такому важному дѣлу безъ помощи? Да очень просто: возьмите любой популярный нѣмецкій или французскій курсъ естественной исторіи ⁽¹⁾ и читайте его среди лѣсовъ и полей. А между тѣмъ, мы, думая не разъ вести съ вами бесѣду о природѣ юга, начнемъ съ легкой подготовки къ естествовѣдѣнію.

Прежде всего вамъ надо познакомиться съ основными началами науки; узнать части растений, минераловъ и животныхъ. Чтобъ сдѣлать къ этому приступъ, сорвемъ наудачу цвѣтокъ, подыдемъ камешокъ, поймемъ насѣкомое или другое животное, и поглядимъ на него внимательно.

Кстати, мы въ Кіевѣ... Поглядите вонъ тамъ, возлѣ рѣки, на скатѣ живописной горы, раскинулся такой красивой кустъ *красной розы*. Диффрзъ поитъ корни безчисленнаго множества кустовъ этого растенія. Сорвемъ благовоонный *цвѣтокъ* этой «шпишны», изъ котораго позже образуется красный *плодъ*. Какъ бы мы пристально ни стали осматривать цвѣтокъ, — мы не найдемъ въ немъ сходства съ самимъ плодомъ, съ этою ярко-красною круглою ягодою, наполненною сухими зернышками.

Подъ низомъ цвѣтка находится нѣсколько зеленоватыхъ листиковъ, но это не плодъ розы, а ея покровъ, одежда цвѣтка, теплая шубка, охраняющая молодой цвѣтъ отъ суровыхъ непогодъ и вѣтровъ. Этотъ цвѣтъ, подъ защитою своего покрова, былъ не цвѣткомъ, а *почкою*; упалъ на

(1) Для желающихъ укажемъ: «Leçons élémentaires de Botanique, par Em. Le Maout»; «Trois règnes de la nature», его же; изъ нѣмецкихъ: «Aus dem Reiche der Naturwissenschaft, v. Bernstein, которые, какъ мы слышали, скоро появятся въ русскомъ переводѣ.

нее теплый живительный лучъ солнца—и вотъ внутри почки закипѣла жизнь, малютка пробудился и выправилъ изъ-подъ зеленой пелены розовые листики—*лепестки* цвѣтка; зеленая оболочка опала и отогнулась назадъ, она не нужна больше: цвѣтокъ достаточно выросъ и окрѣпъ для того, чтобъ существовать уже независимо отъ *чашечки* (зеленой оболочки); это дитя тепла и свѣта (безъ котораго онъ умираетъ) развивается—распускается....

Изъ него-то, изъ этого цвѣтка, *завяжется* плодъ, быть можетъ скажетъ вамъ любой поселенинъ, вовсе незнакомый съ наукою; изъ этого блестящаго цвѣтка образуется ягода. Дѣ, это правда; но то ли понимаемъ подъ словомъ *цвѣтокъ* мы въ обществѣ, что понимаетъ подъ нимъ наука? Нѣтъ. Пройдетъ два-три дня и цвѣтки, то, что мы называемъ цвѣтками, розовые лепестки (*въличикъ* у ботаниковъ) завянутъ, опадутъ; они были не болѣе какъ украшеніемъ, — брачнымъ нарядомъ цвѣтка.... (Посмотрите, какъ онъ роскошенъ у *сараны* ⁽¹⁾, покрывающей поля юга!) Такъ изъ чего же образуется плодъ? Лепестки опали, но осталась *чашечка*, къ краямъ которой прикрѣпленъ цѣлый рядъ желтоватыхъ *усиковъ*, волосковъ, съ маленькими желтыми головками на оконечностяхъ, а по серединѣ находится небольшой, какъ бы желтозеленоватый, кружокъ. Вотъ въ этихъ-то частяхъ сосредоточивается семейная жизнь растений: *волоски* — это орудія образованія *плодотворной пыли*, а желто-зеленоватый кружокъ — это хранилище оплодотворенныхъ сѣмянъ — зачатокъ растенія.

Эти волоски извѣстны въ наукѣ подъ именемъ *пылевыхъ органовъ* (*тычинокъ*), потому что въ головкахъ ихъ, представляющихъ пустые мѣшечки, заключается плодоносная пыль; мѣшечки называются *пыльниками*. Пылевой органъ цвѣтка—это мужчина, мужъ; а органъ, заключающій зачатки сѣмянъ — *пестикъ* — женщина. Позже, на пути знакомства съ флорою юга, мы узнаемъ ближе устройство цвѣтковъ, растений и вообще жизнь тѣлъ природы, а пока ограничимся этими краткими замѣчаніями.

Въ предметахъ, для нагляднаго изученія, недостатка у насъ не будетъ: растенія всевозможныхъ родовъ и семействъ вы встрѣтите на югѣ. Хотите изучать тайнобрачныя водорасли, готовить изъ ихъ золы іодъ, ступайте на берега Чернаго моря: тамъ ихъ довольно! Хотите познакомиться съ дѣвственною природою степей—поѣзжайте въ Украину.—Ко-

(1) Сарана—*Lilium tenuifolium*. L.

гда вы уже полюбите естествознаніе, соберите вокругъ себя дѣтей и взрослыхъ, желающихъ познакомиться ближе съ окружающею ихъ природою, — ступайте по берегу Днѣпра, Дона, или южнымъ берегамъ Чернаго моря, куда вамъ ближе. Попадется вамъ растеніе, камень или насѣкомое, подымите ихъ, покажите вашимъ слушателямъ и расскажите все, что только знаете о немъ; менѣе всего обращайтесь вниманіе на имя и болѣе — на жизнь и свойства предмета; вернувшись послѣ подобной прогулки домой, прочтите подробное описаніе найденныхъ вами предметовъ, приведите ихъ въ систему и раздайте, если можно, по экземпляру каждому изъ нихъ вашимъ слушателямъ.

Подобныя прогулки скоро найдутъ послѣдователей и естествознаніе войдетъ въ жизнь, сдѣлается потребностью, займетъ женщинъ, которымъ оно такъ близко. Для полного успѣха, нужно также приобрести запасъ общихъ свѣдѣній по другимъ естественнымъ наукамъ, неразрывно связаннымъ между собою; ботаника, какъ наука, не существовала бы безъ химіи: иначе процессъ прозябанія, питанія растений остался бы для насъ вѣчно неразгаданною тайною; безъ геологіи трудно объяснить причину флогістоники флоры той или другой мѣстности; безъ зоологіи мы не постигнемъ, отчего зависятъ болѣзни растений, производимыя укусами насѣкомыхъ. При недостаткѣ общихъ свѣдѣній, многія явленія природы часто кажутся намъ странны и непонятны. Мы, напримѣръ, видимъ, какъ всѣ заботы, всѣ усилія человѣка низвергаются маленькимъ насѣкомымъ, и пока наука не уразумѣетъ природы, человѣкъ безсиленъ въ борьбѣ съ нимъ. Расскажу одинъ любопытный случай: въ Полтавской губерніи близъ Прилукъ, въ мѣстечкѣ Сокиринцахъ, принадлежащемъ Г. П. Галагану, въ саду росло нѣсколько дубовъ, особенно дорогихъ владѣльцу. Въ одно лѣто онъ увидѣлъ, что эти великаны — память его отца, дѣда, а можетъ быть и прадѣда, стояли голые, безъ листьевъ; изумленный, въ раздумьи, наклонился онъ, чтобъ поднять нѣсколько сухихъ листковъ, и что же замѣтилъ? Листья свернулись въ трубочку: — это была работа дубоваго *листоверта*. Напрасны были всѣ усилія хозяина: листовертъ остается до сихъ поръ необходимымъ и безпренятственно продолжаетъ свою работу! Напрасно обращался хозяинъ къ лѣсоводамъ, напрасно рылся въ ученыхъ сочиненіяхъ — никто не далъ ему положительнаго отвѣта, не указалъ вѣрнаго средства прогнать докучливое насѣкомое и предохранить милые дубы отъ смерти. Кто не знаетъ, какія страшныя опустошенія производитъ на Югѣ саран-

ча — этотъ бичъ земледѣльцевъ, — а все покоряется ей! Полное уничтоженіе этого зла для насъ еще невозможно; но когда, при знакомствѣ съ естествознаніемъ, начнутъ наблюдать не одно явленіе, и не съ минуты его зловреднаго дѣйствія, а, вооруженные наукою, вникнуть глубже въ его причины, найдутъ его начало, зарождење зла: тогда-только, быть-можетъ, истребленіе саранчи и листоверта превратится въ дѣло обычное, какъ истребленіе другихъ вредныхъ насѣкомыхъ.

Природа юга такъ мало извѣстна, что мы не знаемъ, что у насъ есть, что еще можетъ быть и чего нѣтъ! Легко можетъ случиться, что имѣя на югѣ въ обиліи тотъ или другой предметъ промышленности или торговли, мы получаемъ его изъ-за границы и не подозреваемъ, что онъ пропадаетъ у насъ даромъ. Давно-ли возникло у насъ винодѣліе въ Крыму, и поглядите, какъ значительно уже расширилась эта вѣтвь промышленности! »Но что за вина въ Крыму!«, возразятъ намъ многіе. — Такъ возьмите же въ расчетъ ихъ дешевизну, — отвѣтимъ мы, и подумайте, не виновато ли само общество въ медленномъ улучшеніи винодѣлія? Дайте большинству бутылку превосходнаго крымскаго вина и бутылку плохаго рейнвейна и, на-вѣрное, будетъ предпочтено послѣднее! Страсть ко всему заграничному безъ разбора уменьшилась, но не искоренилась. При распространеніи естествовѣдѣнія, на ряду съ научными изслѣдованіями, откроются и новые источники народнаго богатства. Въ этомъ отношеніи особенно-важное значеніе должна пріобрѣсти акклиматизація растений и животныхъ на Югѣ; тамъ, подѣ благословеннымъ украинскимъ небомъ и въ роскошномъ Крыму, она можетъ имѣть гораздо болѣе успѣха, чѣмъ на Сѣверѣ. У насъ есть уже сортъ своего табаку; кто знаетъ — со временемъ не надѣлится ли насъ югъ и хлопчатникомъ, или инымъ подобнымъ ему растеніемъ? Особенно большую пользу изученіе юга принесло бы красивому искусству и садоводству. — Дѣльное наблюденіе могло бы ясно указать на выгоду многихъ учреждений, — чего до сихъ поръ не сознали еще наши землевладѣльцы, по недостатку знаній изъ прикладныхъ естественныхъ наукъ (технологіи и другихъ.) Примѣръ недалеко: у насъ на югѣ пасутся несмѣтныя стада овецъ; иностранцы скупаютъ нашу шерсть, чешутъ, прядутъ и продаютъ намъ ее въ видѣ пряжи; понятно, что плата за провозъ сырой шерсти разлагается ими на пряжу. Устройте фабрику на Дибирѣ или другой судоходной рѣкѣ, чешите свою шерсть, продавайте велико-русскимъ и польскимъ фабрикантамъ: — вотъ вамъ и новая отрасль про-

мышленности — шерсточесаніе, почти еще неизвѣстная въ Россіи ⁽¹⁾, съ развитіемъ которой югъ сдѣлается центромъ новой торговой дѣятельности и освободится отъ необходимости быть въ этомъ отношеніи данникомъ чужеземцевъ.

Изученіе естествовѣдѣнія представляетъ, на югѣ, — даже при гимназическомъ курсѣ, — гораздо болѣе удобствъ, чѣмъ въ иномъ мѣстѣ потому-что экскурсіи въ началѣ и концѣ курсовъ, могутъ быть учреждены очень легко; флора, естественно, должна занять первое мѣсто ⁽²⁾.

Введеніе естественныхъ наукъ въ составъ предметовъ домашняго и общественнаго образованія, дастъ новое направленіе молодымъ умамъ, обогатитъ ихъ познаніями, которыя привяжутъ ихъ къ родной землѣ тѣмъ, что и на родинѣ есть много любопытнаго и достойнаго дѣла, что не зачѣмъ искать его по чужимъ странамъ. Мало-по-малу, мы, безъ особеннаго труда, прибавимъ два-три камня къ новооснованному зданію; по немногу изъ этихъ камней сложится цѣлая твердыня, и тогда мы съ гордостію скажемъ: «Мы знаемъ нашу родину, ея богатства, средства и силы; теперь мы можемъ смѣло познакомиться и съ другими странами.»

Переходимъ ко второму вопросу, необходимо возникающему изъ сдѣланныхъ нами замѣчаній, а именно: какимъ образомъ не-спеціалисты могутъ содѣйствовать изученію Русскаго юга?

Естественныя богатства юга болѣе всего заключаются въ роскошной растительности, извѣстной намъ еще очень мало. Ученныя экспедиціи и командировки рѣдки, да и хватить ли силъ одного человѣка, одной экспедиціи, для основательнаго изученія всей страны? Для составленія одной флоры юга, — необходимы долгіе труды многихъ людей; поэтому, еслибъ одинъ любитель естествознанія занялся собираніемъ данныхъ въ одномъ округѣ, а другой — въ другомъ, то трудъ пошелъ бы быстро и разносторонно. Матеріалы были бы собраны исподоволь; оставалось бы одно: привести ихъ въ систему, въ порядокъ, что и было бы уже дѣломъ спеціалистовъ.

Данныя у южнаго жителя подъ руками, вездѣ, на каждомъ шагѣ.

⁽¹⁾ Сколько намъ извѣстно, единственная образцовая шерстечесальная фабрика, устроенная по лучшей системѣ «Нобля», (привилегія на чесалку которой, для Россіи, приобрѣтена г. Флинтомъ), находится въ С. Петербургѣ, на Обводномъ каналѣ, подлѣ газоваго завода. Она принадлежит графу Ламздорфу, г. Тюрпеню и еще двумъ компаніонамъ.

⁽²⁾ Нельзя при этомъ не пожалѣть, что до сихъ поръ нѣтъ ключа къ опредѣленію Южной Флоры, подобнаго ключу г. Шнейдера для флоры Петербургской.

Укажемъ главнѣйшія: а) народныя названія и легенды о происхожденіи разныхъ растений, животныхъ и минераловъ, б) народно-медицинское употребленіе ихъ, в) составленіе рисунковъ и коллекцій естественныхъ предметовъ, и наконецъ д) наблюденія надъ различными мѣстными явленіями.

Южнорусскія народныя названія растений отличаются своеобразностію; но вообще народъ не различаетъ видовъ, исключая очень рѣдкихъ случаевъ. Впрочемъ, два разные вида одного рода, въ различныхъ мѣстностяхъ, часто носятъ и различное названіе; и наоборотъ: нерѣдко одно названіе принадлежитъ двумъ видамъ различныхъ родовъ. Только тогда, когда будутъ собраны данныя со всего юга, когда откроется возможность сличить названія, принадлежащія однимъ и тѣмъ же растеніямъ на всемъ протяженіи Украины, только тогда получится возможность составить отчетливую южнорусскую номенклатуру.

Въ глазахъ многихъ это дѣло почти не имѣетъ значенія; но чтобы увидѣть всю неосновательность подобнаго мнѣнія, стоитъ припомнить, что, по причинѣ незнанія народныхъ названій, мы поставлены въ тяжелую необходимость объясняться латинскими іероглифическими словами. Представимъ себѣ, что какое нибудь растеніе получило приложеніе къ жизни, — что человѣкъ, неученый прочтетъ вашу замѣтку о пользѣ какого-нибудь растенія изъ видовъ *Melampyrum*: прочтетъ этотъ іероглифъ и, по неволѣ, оставитъ безъ вниманія; а напишите просто «*Иванъ-да-Марья*», — и ваше знаніе свойствъ его, сдѣлавшись общимъ достояніемъ, принесетъ прямую пользу. Вотъ какое значеніе имѣютъ народныя названія, неговоря уже о томъ, что безъ нихъ намъ часто вовсе непонятенъ смыслъ народныхъ сказаній, повѣрій и пѣсенъ, не говоря о важности ихъ для филологій.

Во время путешествій и прогулокъ, каждый, при случаѣ, можетъ безъ труда записать народное названіе растенія и, для бѣльшей вѣрности, приложить и самое растеніе; кромѣ того, необходимо, при подобныхъ замѣткахъ, упоминать названіе мѣстности и лицъ, отъ котораго слышано то или другое. Подобныя замѣтки, въ общемъ составѣ, принесутъ огромную пользу наукѣ, когда трудъ многихъ будетъ сведенъ къ одной общей цѣли — изслѣдованію южно-русской природы.

Не менѣе важное значеніе для науки и жизни имѣетъ и народная медицина, которую, наконецъ, начинаетъ цѣнить и медицина ученая. Этого рода изслѣдованія представляютъ гораздо болѣе трудности: знахари вообще неохотно сообщаютъ о таинственной цѣлебности травъ, передавая

свои знанія изъ рода въ родъ, отъ отца къ сыну—какъ семейное достояніе; сверхъ того, приемы знахарей и знахарокъ соединены съ множествомъ предразсудковъ, такъ-что довольно трудно отдѣлить сущность отъ формы, цѣль которой — отвлечь вниманіе больного и окружающихъ его, и тѣмъ сохранить неприкосновенно свою тайну. Такимъ образомъ, при собраніи народно-медицинскихъ свѣдѣній, необходимы: большая наблюдательность, осмотрительность и болѣе-близкое знакомство съ народомъ и наукою.

По вѣрованію народа, травы имѣютъ особенную силу, если ихъ собирать—цѣлебныя—въ день Симона-Зилота; волшебныя (*Чаръ-Зілля*)—въ день и въ ночь на Ивана Купала; и противудѣйствующія вреду, причиняемому злою личиною (вѣдьмами, знахурами, чортомъ) — въ день *літній Миколы* (9 мая). Вѣдьмы и колдуны варятъ волшебные напитки на Лысой горѣ близъ Кіева; только для нихъ да для тѣхъ, кто обладаетъ ихъ таинственнымъ знаніемъ, понятенъ говоръ травъ и цвѣтовъ, возвѣщающихъ имъ свои чудесныя свойства. Особенная сила приписывается народомъ: *Рутъ* (*Ruta graveolens*), *Шавліи* (*Salvia officinalis*, *S. pratensis*, *S. leonaroides*), *Терличъ-травъ* (*Gentiana Amarella L.*), *Любистку* или *Любистъ* (*Levisticum officinale Koch.*), *Сонъ-травъ* (*Anemone pulsatilla*), *Блекотъ* (*Hyosciamus niger L.*), *Курачей-слѣпотъ* (*Anagallis arvensis*), *Подорожнику* (*порізнику, пораннику* — *Plantago lanceolata L.*), *Жирію*, и многимъ другимъ. По народному вѣрованію, *Сонъ-трава* наводитъ сонъ и притомъ сонъ вѣщій; листья *Любистку* рвутъ дѣвушки въ канунъ Ивана Купала (23 іюня), какъ зазвонятъ къ вечернѣ, и выплетаютъ ихъ въ вѣнки. Въ этихъ вѣнкахъ онѣ ходятъ вечеръ, скачутъ черезъ купальный огонь, а на ночь кладутъ ихъ подъ-головы. Когда запоютъ первые пѣтухи, дѣвушки собираютъ оставшіяся листья съ того самаго куста любистку, съ котораго рвали его для вѣнка и также кладутъ эти листья подъ-головы, чтобъ утромъ судить по нимъ о вѣрности или невѣрности милаго. Народу извѣстна и цѣлебная сила любистка. — Если собрать, въ первый день *молодика*, при захожденіи солнца, бѣлаго соку *курачей слѣпоты* и, при захожденіи же солнца, дать его кому-либо выпить, то выпившій потеряетъ способность видѣть послѣ захожденія солнца, и можетъ освободиться отъ этого недостатка не иначе, какъ если вспомнить объ этомъ ровно чрезъ мѣсяцъ и въ тотъ самый день, когда слѣпота съ нимъ случилась, или—если его неожиданно столкнуть въ яму. Приводимъ эти повѣрья съ цѣлію — показать, какъ много нужно вниманія и догадки, чтобы вѣрно узнать

и толково воспользоваться народнымъ естествознаніемъ. Не слѣдуетъ думать, что въ фантастическихъ представленіяхъ народа не скрывается ничего положительнаго, важнаго для науки: напротивъ. Но на югѣ больше, чѣмъ гдѣ-нибудь, народъ любитъ облекать поэтическою формой свои наблюдения и преданія; самыя названія у него живописны и живо говорятъ воображенію. (Напримѣръ, траву, обладающую силой укрощать бурю, народъ называетъ *Нечій-вітеръ!* не правда-ли, какое поэтическое названіе)? Объяснить ихъ, разоблачить поэтическую форму и добраться до сущности — вотъ та задача, которую должно имѣть въ виду.

Относительно рисунковъ, мы должны замѣтить, что, въ этомъ случаѣ, нерѣдко надо жертвовать правилами живописи для точности и ясности: сохранить весь блескъ, всѣ переливы колеровъ растений и насѣкомыхъ нѣтъ возможности; о нихъ можно дать только приблизительное понятіе. Другое дѣло — форма цвѣтка, признаки рода и вида; они должны быть представлены съ мелочною подробностію, даже въ увеличенномъ видѣ. Этотъ трудъ доступенъ весьма немногимъ, — художнику онъ покажется тяжелымъ. По замѣчанію историка Мишле — это трудъ по преимуществу женскій; въ своемъ сочиненіи «*L'Insecte*» (насѣкомое) онъ приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ, и, между прочимъ, называетъ Сибиллу-де-Меріанъ, оставившую по себѣ память рисунками гвіанскихъ насѣкомыхъ.

Дѣйствительно, женщина на этомъ поприщѣ можетъ быть полезнѣе, чѣмъ за канвою и англійскимъ шитьемъ. Стоить только приняться за дѣло, и чудная природа юга разовѣетъ и поддержитъ это намѣреніе, предлагая обильный запасъ матеріаловъ, увлекаая красотою и разнообразіемъ формъ.

Не менѣе могли бы быть полезны женщины и въ составленіи разныхъ коллекцій, будутъ ли это коллекціи насѣкомыхъ, или травники; это одинъ изъ главныхъ источниковъ для изученія края, — особенно, если травникъ, или иная коллекція, будетъ сопровождаться замѣтками о народныхъ названіяхъ и техническихъ свойствахъ предмета; кромѣ того, при каждомъ растеніи должно быть означено мѣстонахожденіе, родъ почвы и время цвѣтенія. Къ этимъ и подобнымъ свѣдѣніямъ легко присоединить наблюдения надъ явленіями природы, по-чему-либо замѣчательными.

Въ составъ подобныхъ собраній пошло бы, безъ сомнѣнія, много предметовъ незнакомыхъ любителю, — легко можетъ быть, что нѣкоторые были бы опредѣлены имъ ошибочно; но это не бѣда. Исправить, соеди-

нить все въ одно цѣлое, въ одинъ общій трудъ, должно быть дѣломъ ученыхъ. Этого, по нашему мнѣнію, можно было бы достигнуть обра-
зованіемъ южнаго общества испытателей природы. Тогда всякій, кто
способенъ представить свой какой-нибудь трудъ, какое-нибудь наблю-
деніе, зналъ бы мѣсто и людей, которые оцѣнять, сохранять и оѣмыслять
отдѣльный фактъ сопоставленіемъ его съ другими многоразличными фак-
тами, сообщенными изъ разныхъ мѣстностей. Такимъ образомъ данныя,
собранныя сотнями лицъ, не пропали бы безплодно, а сдѣлались достоя-
ніемъ ученыхъ, на долю которыхъ пришла бы другая часть труда —
повѣрка ихъ и разработка.

Желаемъ одного, — чтобъ наши замѣтки, наши мысли въ слухъ, на-
шли отзывъ на югѣ. Быть можетъ, онѣ покажутся многимъ мечтою, —
тѣмъ не менѣе это мечта не неисполнимая.

Н. Волокитинъ I.